

95
1

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Въ Петербургѣ въ Типографіи А. С. Суворина, 1885 г.



ТОМЪ XX. 1884



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 11—2
1885



п. 26477.



ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАМИРЪ

Д. Л. Иванова.

I.

Читано въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
11 апрѣля 1884 г.

Господа!

Въ глубокой еще древности страна верховьевъ Окса уже привлекаетъ вниманіе народовъ и изслѣдователей. Близость одной изъ самыхъ восточныхъ провинцій великаго царства Александра Македонскаго — Бактріаны, къ этому „сердцу земли“ и „колыбели человеческого рода“ дастъ матеріалъ для ученыхъ работъ греческихъ классиковъ. Въ VII в. по Р. Х. мы уже встрѣчаемся въ запискахъ знаменитаго китайскаго путешественника Сюань-цзана съ именемъ „Помило“, который былъ имъ посѣщенъ по пути изъ Бадахшана въ Кашгаръ. 600 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, Марко-Поло открываетъ собою эру путешествій европейскихъ изслѣдователей на „Памиръ“. Наибольшей производительностью въ этомъ отношеніи отличается наше столѣтіе. Англичане съ юга, русскіе съ сѣвера все глубже и глубже проникаютъ на „Крышу міра“. Первые обстоятельства наибѣйшія непосредственныя изысканія, безспорно, принадлежатъ англичанину Вуду (1838 г.), которому, между прочимъ, обязано Большое Памирское Озеро своимъ звучнымъ наименованіемъ „Озера Винторіи“. Семидесятые годы были самые богатые по части разнообразныхъ экспедицій на Памиръ, изъ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ большая англійская экспедиція Форсайта и со стороны Россіи экспедиція доктора зоологіи Сѣверцова.

Но, не смотря на богатство материалов, добытых этими экспедициями, на картѣ Памира еще оставалось слишкомъ много бѣлыхъ пятенъ, точно также какъ и много противорѣчивыхъ разспросныхъ данныхъ. Не было прочной связи въ русскихъ и англійскихъ съемкахъ и, наконецъ, чувствовалась сильная разрозненность даже и въ тѣхъ материалахъ, которые были добыты непосредственными изысканіями путешественниковъ.

И вотъ, въ прошломъ 1883 году изъ Туркестана снаряжается экспедиція, на долю которой выпала задача пополнить тѣ географическія пробѣлы, которые оставались еще на Памирѣ, и связать все добытое въ одно стройное цѣлое.

Вы уже знакомы, гг., съ общимъ маршрутомъ нашей экспедиціи по Памиру изъ моего письма съ Алаш, которое помѣщено въ „Извѣстіяхъ“ Общества ¹⁾; теперь я сообщу вамъ дополнителныя освоенныя маршруты по Каратегину, Дарвазу и Кулябу.*

Но, прежде чѣмъ представить на судъ ваше добытые экспедиціе результаты, справедливо будетъ сказать два слова о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ экспедиція должна была дѣйствовать. Едва ли я преувеличу, сказавъ, что условія эти были въ высшей степени невыгодныя, крайне неудачныя условія. Казалось, что все соединилось вмѣстѣ, чтобы затруднить дѣло экспедиціи.

Начну съ ея организаціи. Вмѣсто предполагаемаго въ началѣ обширнаго персонала, въ который входили астрономъ, офицеръ генеральнаго штаба, геологъ, натуралистъ, препараторъ, топографъ, переводчикъ, даже художникъ, — число членовъ экспедиціи, какъ вамъ извѣстно, сократилось до трехъ.

Денежныя средства были также сильно урѣзаны противъ предполагаемаго расцѣта, и отпущены самыя скромныя, чтобы не сказать болѣе: генераль-губернаторъ, съ своей стороны, намѣлъ возможнымъ отпустить только 1.900 руб., всѣ же ресурсы (вмѣстѣ съ перевозкой фуража и провіанта для 12-ти казачьихъ конвои) равнялись 6.000 руб.

Вопросъ объ осуществленіи экспедиціи былъ рѣшенъ менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до ея выступленія и всѣ приготовления къ ней должны были быть сдѣланы экстренно, что повело, конечно, ко многимъ затрудненіямъ. Переводчика замѣнилъ простой джигитъ, едва понимавшій по русски.

Намъ кашгарскій консулъ г. Петровскій, проживавшій тогда

въ Ташкентѣ, почему-то не считъ нужнымъ предупредить кашгарскія власти о нашемъ движеніи на Кашгарскій Памиръ, вслѣдствіе чего сложилась масса затрудненій со стороны китайцевъ, которые прямо потребовали нашего удаленія съ праваго берега Аль-су и запретили кому либо изъ киргизъ наниматься къ намъ въ проводники, а тѣхъ, которые служили намъ раньше и получали отъ насъ подарки, они наказывали ногайками и выслали въ Кашгаръ вмѣстѣ съ семьями. Это навело панику на киргизское населеніе Памира и сдѣлало для насъ чрезвычайно затруднительнымъ достать проводниковъ. Въ то же время афганцы зашли Шугнанъ и, такимъ образомъ, закрыли намъ возможность изслѣдованій на западѣ Памира.

Точныхъ свѣдѣній о способѣ снаряженія экспедиціи на Памиръ мы почти не имѣли; были только слухи, самые разпорѣчивые, и на основаніи этихъ слуховъ мы сдѣлали весьма серьезную ошибку, забравши очень много ячменя для лошадей и очень мало муки и сухарей для людскихъ желудковъ, вслѣдствіе чего вслѣдствіемъ пришлося лошадиный ячмень употребить какъ провіантъ.

Оптический магазинъ Рихтера не выслалъ инструментовъ, выпущенныхъ болѣе чѣмъ за полгода до начала экспедиціи и его аверойдъ, бинокль и минимумъ-термометры я получилъ уже въ ноябрѣ, возвратясь въ Ташкентъ, т. е. ровно черезъ годъ. Нѣкоторые нужные для экспедиціи литературные материалы, бывшіе въ Публичной библиотекѣ въ Ташкентѣ, оказались недоступны для насъ, потому что Публичная бібліотека была закрыта новымъ генераль-губернаторомъ и лежала тогда въ запечатанныхъ ящикахъ. Мы даже не могли получить открытыхъ листовъ отъ генераль-губернатора, потому что время выступленія экспедиціи совпало съ изысканіями генерала Черныева на Мервтомъ Култукѣ. Словомъ — все было противъ насъ. Единственными отрадными звѣздочками среди этого пассивнаго отношенія свѣтились участливое и искреннее отношеніе къ экспедиціи генерала Жилинскаго, начальника военно-топографическаго отдѣла, по инициативѣ котораго и была организована экспедиція, генерала Абрамова, бывшего тогда Ферганскимъ губернаторомъ, и маленькаго дружнаго общества г. Оша, съ полковникомъ Іоновымъ во главѣ, гдѣ экспедиція окончательно была сформирована. Ихъ содѣйствіе и ихъ душевное сочувствіе на столько были дороги намъ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы предъ лицомъ нашего почтеннаго Общества выразить горячую благодарность этимъ лицамъ.

¹⁾ Т. XIX, отд. II, стр. 336.

Таким образом, вы видите, с какой серьезной массой побочных затруднений приходилось бороться нашей экспедиции, помимо борьбы с природными условиями, с естественным искомным недовольством к нам туземного населения и с ограничением свиданий о местностях, никому еще до нас не посещенных.

Я должен коснуться первого своего письма с Памира, напечатанного в „Известиях“ и снабженного карточкой с маленьким предисловием. Письмо это по многим обстоятельствам не могло быть так столько полно, чтобы по нему можно было сдѣлать здѣсь, в Петербургѣ, исправленіе старой Памирской карты и потому въ приложенную къ нему карточку Памира вкрались весьма существенныя ошибки.

1) Такъ, первая ошибка касается верховьевъ рѣки Гези. Гезь образуется изъ трехъ ручьевъ, именно: Киякъ-баши, который я называю *Сѣверной Гезью*; р. *Каразакъ* (низовье ея — Рингъ), который бѣжитъ съ запада отъ горъ Большого Каракула и Рингъ-кула, и *Южной Гези*, направляющейся отъ горы Мустагъ-ата чрезъ Малый Каракулъ къ Булюкъ-кулу на соединеніе съ Сѣверной Гезью, послѣ чего р. *Гезь* прорываетъ Кашгарскія горы и выбѣгаетъ въ котловину Джиттышара.

2) Затѣмъ, *перевалъ Бендерскаго* показанъ слишкомъ далеко къ западу, гдѣ горы уже непроходимы совершенно; перевалъ этотъ лежитъ въ соседствѣ съ переваломъ Уртабеля.

3) На той же картѣ не показано маршрута моихъ товарищей по экспедиции внизъ по р. Ваханъ до укр. Кала-и-Пяпъ.

4) Смѣшана рѣка *Шаадара* съ руч. *Тонгузъ-булакъ*: первая рѣка сливается съ р. *Гунтъ* у самого гор. Варияжа, а Тонгузъ-булакъ впадаетъ въ Гунтъ при сел. Сардымъ, верстахъ въ 40 отъ начала этой рѣчки, т. е. отъ западнаго конца оз. Яшлы-кула.

5) Есть нѣкоторая ошибка относительно положенія *перевала Кара-булакъ*, который показанъ прямо къ сѣверу отъ Сереза, тогда какъ изъ этого селенія надо было идти цѣлый день назадъ по Мургабу до устья ручья Карабулака.

Что касается до нѣкоторыхъ подробностей, изложенныхъ въ упомянутомъ предисловіи и относящихся до западной окраины Памира, то о нихъ я считаю болѣе удобнымъ сказать въ специальной части моего сообщенія.

Теперь же объясню пути, которыми прошла экспедиція, покончивъ съ Памиромъ.

Въ своемъ алайскомъ письмѣ, я остановился на томъ моментѣ, когда оба отряда экспедиции собрались въ Дараутъ-курганъ. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда кап. Путята съ Бендерскимъ переваливали Джанигъ-даваномъ на Белень-киагъ, у нихъ остановились хронометры и Бендерскій простудился. Простуда эта усилилась на другой день, когда Бендерскій, проходя внизъ по Белень-киаку, принужденъ былъ безъ теплаго платья ночевать у ледника Федченко. Вслѣдствіе всего этого, произошла задержка экспедиции: Путята побѣжалъ въ Маргеланъ заводить хронометры для новаго рейса, а Бендерскій слегъ въ Дараутъ-курганъ съ признаками воспаленія легкихъ, на рукахъ такого отряднаго доктора, который до сихъ поръ занимался только геологическими изслѣдованіями. Но какъ бы то ни было, надо было пустить въ ходъ всѣ походныя средства, ибо температура больного доходила до 41° С.

Вѣроятно, привычка къ походамъ, а главное прекрасная алайская погода, прочно установившаяся въ началѣ осени, побороли болѣзнь и въ прѣзду Путаты Бендерскій уже сталъ ходить, такъ что отрядному доктору можно было оставить его и обратиться къ прямымъ своимъ обязанностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, время уходило (задержка равнялась 5 днямъ), нужно было торопиться захватить перевалъ черезъ горы Петра I въ долину Оби-Хингоу еще до закрытія ихъ снѣгомъ. Вышелъ я 30-го сентября, оставивъ другой отрядъ въ Дараутъ-курганъ. Пройдя вдоль Кизиль-су, я отъ Муй-пака свернулъ на югъ къ пер. Гардани-кафтаръ. Но въ тотъ день, когда я подошелъ къ этому перевалу, его завалило снѣгомъ и я, не дойдя верстъ восьми, долженъ былъ по грудѣ въ снѣгу и среди страшнаго бурана возвратиться 9-го октября обратно.

Эта поездка въ топографическомъ отношеніи разъяснила, что р. Оби-хингоу имѣетъ справа притокъ, который по мѣстамъ называется Кулия (въ верховьяхъ) и Шахулы (въ низовьяхъ)¹⁾, и который, начинался на сѣверной сторонѣ хребта Петра Великаго, прорываетъ эту огромнѣйшую цѣпь и соединяется съ верхней Оби-хингоу. Долина послѣдней дѣлится на двѣ провинціи — верхнюю Вахія и нижнюю Гулдзы, что и дало поводъ на прежнихъ картахъ называть и самую рѣку именемъ Вахія, хотя рѣка на всемъ теченіи называется одинаково Оби-хингоу, т. е. „мутная рѣка“.

Выйди снова на р. Сурхабъ, я двигаюсь на западъ съ намѣ-

¹⁾ Устье Шахулы носитъ названіе Оби-райна.

реніемъ перейти Петровы Горы черезъ слѣдующій перевалъ Люли-харви. Ночью подъ переваломъ. Ночью поднимается вьюга, а на утро мнѣ объявляютъ, что перевалъ закрылся. Я иду къ Гарму и оттуда, наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Петровы Горы значительно понижены, мнѣ удастся сдѣлать пужное пересѣченіе ихъ. Выйдя на рѣку Оби-хингоу у Чиль-дари черезъ перевалъ Камчиракъ, я направляюсь затѣмъ къ укр. Тавиль-дара, далѣе къ Сагырдашту черезъ пер. Захбурси, а отсюда новымъ переваломъ Ахба-Рабать къ столицѣ Дарваза — Кала-и-Хуму.

Быль уже конецъ октября, стало крайне холодно, начались бураны, дожди, у меня такъ разыгрался ревматизмъ въ правой рукѣ, что я не могъ держать молотокъ. Времени, оставшагося до нашего возвращенія, едва хватало и я рѣшился вернуться, не дѣлая поѣздокъ по Дарвазу ни къ востоку, ни къ западу.

На обратномъ пути я сдѣлалъ небольшую петлю отъ Сагырдашта на Оби-хингоу, а узнавъ въ Чильдарѣ, что перевалъ Камчиракъ едва ли проходимъ въ это время, я двинулся внизъ по Оби-хингоу, вдоль Гуллѣза. И даже здѣсь, при переходѣ черезъ низкій и нетрудный перевалъ Яфучъ въ 7000 фут., шедшій дождь съ снѣгомъ образовали такую грязь, что едва можно было спустить лошадей. Отъ Гарма я возвращался по правому берегу рѣки, сдѣлавши нѣсколько мелкихъ частныхъ поѣздокъ въ сѣверныя горы. Думать о переходѣ изъ Каратегина въ Фергану было невозможно, ибо ни одинъ перевалъ Алайскаго хребта не былъ въ то время доступенъ. Мнѣ оставалось двигаться назадъ къ Дараутъ-кургану, и въ половинѣ ноября я прошелъ въ Маргеланъ Исфавранскимъ переваломъ.

Путята съ Бендерскимъ вышелъ въ Каратегинъ дня черезъ два послѣ меня. Изъ Гарма Путята направился въ Тавиль-дару, откуда черезъ Болезакъ перевалилъ въ верховье рѣки Акъ-су, или, какъ онъ называется, Яхъ-су (не знаю, что вѣрнее: одно означаетъ "бѣдую", другое "ледяную" рѣку, — можетъ быть это только отгѣнокъ произношенія *акъ*, который и записанъ Путятой). Идя внизъ по долинѣ Акъ-су, онъ дошелъ до Кулиба, а оттуда направился на югозападъ къ Аму-дарѣ, именно къ укр. Сіянь и Калаи-пикаке. Далѣе, отойдя отъ Аму, черезъ урочище Пархаръ и два перевала Урта и Кизиль-коча дошелъ снова до Аму-дарьи у Ауль-сарая (Ичка). Оттуда повернулъ на сѣверъ, достигнувъ, чрезъ Аббашъ-адыръ и разв. Кафиръ-кала, г. Курганъ-тюпе, изъ котораго направился на р. Вахшъ у Кизиль-кала и потомъ, вдоль руч. Ситкау до-

стигъ г. Кафирнагана. Дальнѣйшій его путь, общій съ Бендерскимъ (который вышелъ прямо чрезъ бухарскій Файзабадъ), идетъ известной дорогой чрезъ Гиссаръ, Сарыдажъ и Шахрисабзъ на Самаркандъ.

Чтобы намъ легче ориентироваться среди подробностей новой памирской карты, я считаю нелишнимъ сдѣлать предварительно краткій топографическій очеркъ той страны, которая еще такъ недавно была известна только отрывками и для очень многихъ была знакома лишь какъ одно звучное имя "Памиръ". Страна эта лежитъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, составляящей изъ двухъ главныхъ рукавовъ. Одинъ, сѣверный — Кизиль-су или Сурхабъ ("Красная рѣка") въ верхнемъ теченіи принадлежитъ грандіозной долинѣ Алая; изслѣдованія здѣсь произведены до насъ довольно подробно: въ свое время тамъ работали Федченко, первый проникшій на Алай еще въ кокапскія времена, затѣмъ Сѣверцовъ, Мухометовъ, Опанинъ, которому принадлежатъ изслѣдованія Каратегина, и многіе другіе, а также сдѣланы многочисленныя топографическія съемки. Другой рукавъ, южный — Пяньзъ представляетъ очень сложную систему развѣтвляющейся по жѣрѣ движущейся въ его верховья. Самая главная рѣка въ этой системѣ Акъ-су — Мургабъ, которая своими теченіемъ принадлежитъ Памиру на разстояніи 325 верстъ (до Сереза); остальныя версты 150 составляютъ почти недоступную тѣснину Рошана. Бассейнъ Акъ-су самый обширный на Памирѣ. Изъ притоковъ, имѣющихъ наибольшее серьезное значеніе, я укажу, съ лѣвой стороны, на *Ис-тыкъ* (самый большой), съ правой — со стороны Кашгута и Тагдუმ-баша *Каракулъ* и *Ханъ-юль*, затѣмъ сухой лѣтомъ *Кошъ-авылъ*, *Ал-байташъ* со стороны Рангъ-куля, *Суукъ-сай* — важный своей обходной дорогой — и *Кудару*, оба уже въ области тѣсниннаго Мургаба.

Слѣдующія рѣки, важныя для Памира, будутъ: 1) *Вазанъ-дарья*, верховье которой есть *Альманъ*; 2) р. *Памиръ*, вытекающая изъ Большого Озера; многочисленные притоки этой рѣки незначительны и имѣютъ значеніе по пролегающимъ вдоль нихъ путямъ, какъ напр. *Харошъ*, *Масъ*; 3) Путнаяская рѣка составляется изъ двухъ — *Амичура*, берущей начало въ центральной части Памира, пробѣгающей оз. Яшилъ-куль, изъ котораго выходитъ уже подъ именемъ *Гунта*, принадлежащаго Шугнану, и другой р. *Шахъ-дарья*; среднее и нижнее теченіе Гунта и Шахдари, занятыя селеніями, и составляютъ основу Шугнана.

Кромѣ перечисленныхъ рѣкъ, принадлежащихъ Амурдаринскому бассейну, къ Памиру же мы должны отнести и его Кашгарскую

часть, относящуюся къ бассейну Тарима — *Маркань-су*. Область *Гези* и верховья Ташкурганской рѣки съ притокомъ *Ташарма*. Водораздѣль этихъ бассейновъ въ большинствѣ пунктовъ весьма незначителенъ и идетъ въ видѣ неправильной изгибающейся линіи.

Теперь же и назову и тѣ линіи горъ, проходящихъ по Памирскому нагорью, которыя наиболѣе рѣзко обрисовываются при первомъ взглядѣ на карту. Самой главной горной цѣпью является *Памирская*, проходящая между р. Памиромъ и Аличуромъ; къ югу отъ нея и параллельно ей идетъ *Ваханская цѣпь*, которая отдѣляетъ Ваханъ отъ р. Памира и тянется въ верховья Акъ-су въ направленіи ОНО; къ сѣверу отъ Памирской цѣпи, по обѣимъ сторонамъ Мургаба, идутъ двѣ линіи горъ — *Аличурскія* и *Мургабскія*, послѣднія изъ нихъ доходятъ до пер. Улугъ-рабатъ (водораздѣла р. Тагармы и Южной Гези); къ сѣверу отъ Ринтъ-куля идетъ водораздѣльная гряда (между двумя главными бассейнами Аму и Тарима), которую я называю *Ринкулъской*; на западъ она совпадаетъ съ параллелью перевала Кокуй-белъ и Тахта-горуль; примыкающая къ этой грядѣ другая часть водораздѣльныхъ горъ, проходящая по восточной сторонѣ В. Каракуля, мною названа *Каракулъскими Горами*; наконецъ, самая восточная граница Кашгарскаго Памира выражается въ видѣ высокихъ горъ *Кашгарскихъ*. Этими указаніями я и ограничусь на сей разъ, выдѣляя болѣе подробный разборъ Памирской орографіи въ спеціальную часть своего сообщенія.

Если теперь вы припомните указаніе мною маршрута 1883 г., то для васъ уже должно по нѣкоторой степени выясниться значеніе нашей экспедиціи по отношенію разъясненія топографическаго характера мѣстности и общегеографическихъ условій, въ которыхъ находится Памиръ.

Припомнимъ, что Н. А. Сѣверцову удалось прорѣзать Памиръ по одной только почти меридіональной линіи, Кизиль-артъ — Акбайталъ и закончить далеко не всѣмъ Аличуромъ (онъ не былъ въ его верховьяхъ и въ самомъ низовьи). Затѣмъ экспедиціи Форсайта удалось сдѣлать узкую петлю по двумъ параллельнымъ дорогамъ, именно по верховьямъ Акъ-су и Ваханъ-дарьи и по рр. Памиру и Истнику (такъ наз. Малый и Большой Памиры). Кромѣ того, англійская экспедиція, предпринятая въ зимнее время, была поставлена въ чрезвычайно невыгодныя условія по отношенію къ изслѣдованіямъ, когда весь Памиръ былъ покрытъ снѣжнымъ ковромъ, который скрывалъ и подробности строенія мѣстности, и оригинальный характеръ памирской жизни. Наша экспедиція, несмотря на

многія препятствія, успѣла исчертить Памиръ во всевозможныхъ направленіяхъ и въ болѣе удобное время. Мы выступили съ Алая 14 іюня и ушли съ Памира (если считать за крайній пунктъ передъ Алаемъ Алтинъ-Мазаръ) въ концѣ сентября. Нашей экспедиціи удалось посѣтить и широкія озерныя и многоводныя рѣчныя долины исключительно памирскаго типа, и сухія широкія котловины, раздѣленные весьма низкими грядками; побывать и на трудно доступныхъ перевалахъ весьма высокихъ горъ, и въ каменистыхъ ущельяхъ и тѣснинахъ, которыя проходимы только въ извѣстное время года, а въ другое время недоступны даже для пѣшиходовъ; видѣть и горныя долины заросшія лѣсомъ, въ пониженныхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже начинается осѣдлость и земледѣліе, и въ то же время побывать на ледникахъ. Двѣ прямыя линіи, проведенныя перпендикулярно на картѣ, даютъ слѣдующія цифры: по меридіану отъ пер. Таджикъ въ Алайскихъ горахъ на югъ до р. Алымаянъ въ сѣверномъ Гиндукушѣ болѣе 300 верстъ; по параллели отъ кашгарскаго Ташкургана на востокъ до шугнанскаго Сардыма на западъ верстъ 250. Если во всей площади заалайскаго Памира, равняющейся 67.000 кв. верстъ, и остались небольшія пятна, не посѣщенные экспедиціей, то эти пространства въ топографическомъ отношеніи совершенно асны: во первыхъ, они обойдены экспедиціей со всѣхъ сторонъ; во вторыхъ, о нихъ собраны очень подробныя разсказы въ разныхъ мѣстахъ, и наконецъ ихъ общій характеръ выясненъ осмотровъ со многихъ высокихъ пунктовъ, окружающихъ эти мѣстности. То, что осталось важнаго, чего экспедиція или совершенно не могла выполнить, или не выполнила по нѣкоторымъ частнымъ причинамъ, есть слѣдующее: нѣтъ пересѣченій Кашгарскихъ горъ по Улугъ-арту и Гези; нѣтъ непосредственныхъ изысканій въ самомъ интересномъ юговосточномъ углу (въ сторонѣ такъ наз. Тагдумбаши, сюда же относится и верховья Алымаяна); нѣтъ прочной связи съ Читралемъ чрезъ Боръ-атилъ и, наконецъ нѣтъ изслѣдованій въ Вадахманѣ, Западно-мъ Шугнанѣ и Южномъ Дарвазѣ. Кромѣ того, можно указать, пожалуй, еще на сѣверѣ одну часть, которая можетъ интересовать только геологовъ — это верховье Каракулъской Западной Кара-джиги и особенно Суукъ-сай, такъ какъ по всѣмъ даннымъ именно это ущелье снабжаетъ золотомъ Мукъ-су въ такомъ количествѣ, что оно съ выгодой добывается не только тамъ, но и подъ Гармомъ, т. е. на огромномъ пространствѣ при массѣ проносимой подвижной гальки и песку по широкому руслу Мука и Сурхаба. Вотъ тѣ задачи, которыя

собственно и будут предстоять прежде всего будущим экспедициям въ область Памира.

Перехожу къ добытому материалу и прежде всего познакомлю васъ съ тѣми мѣстностями, которыя экспедиціей были посѣщены впервые, и которыя для общаго характера орографіи Памира имѣютъ серьезное значеніе. Начну по порядку нашихъ маршрутовъ отъ Большаго Каракула.

Пройдя черезъ огромный перевалъ въ 16.400 футовъ, экспедиція вступила въ поперечную долину Кара-арта чисто горнаго типа, сплошь заваленную моренными валунами и только съ небольшими пятнышками луговой зелени вдоль ручья. Въ своемъ низовьи эта долина прорываетъ Кашгарскія горы, входя въ тѣснину, едва ли даже проходимую во всякое время года. Сужу потому, что главный перевалъ находится западнѣе тѣсины.

Повернувъ къ востоку и взойдя на второй (восточный) перевалъ Кушъ-белъ (13.600 ф.), мы увидѣли долину Сѣверной Гези—наиболѣе характерную часть Кашгарскаго Памира. Передъ нами тянулася широкая правильная долина, измѣняющая книзу направленіе изъ WNW въ NW, отъ перевала верстъ на 70. Долина ограничена съ правой стороны мелкими склонами отроговъ, а съ лѣвой стороны, т. е. съ сѣверовосточной, правильной цѣпью Кашгарскихъ горъ, которая здѣсь носитъ мѣтное названіе Кыркъ-ку, т. е. „сорокъ горъ“. Можно дѣйствительно, кажется, насчитать ихъ сорокъ правильныхъ вершинъ и между ними такое же число правильныхъ, чрезвычайно разнообразно расположенныхъ ущелій. Горы кажутся въ видѣ рѣзкой зубчатой линіи съ высокими пиками и съ весьма глубоко впрѣзанными перевалами или, вѣрнѣе, сѣдловинами, потому что переваловъ, въ смыслѣ возможности перехода черезъ нихъ, нѣтъ.

Вся эта цѣпь горъ покрыта однообразно-тянувшейся полосой вѣчнаго снѣга; во всѣхъ ущельяхъ ледники, почти доходящіе до начала подошвы горъ и оканчивающіеся обширными моренами. Отъ подошвы мы замѣчаемъ очень ровный, точно обмытый, склонъ. Склонъ этотъ замѣчательнѣе тѣмъ, что на немъ не видно ни одного большаго выдающагося камня, ни крутыхъ овраговъ, и ни одного ручья. Всѣ эти ледники, которые у васъ на глазахъ составляютъ 40 ущелій, какъ будто не таятъ, не даютъ вовсе воды. Верстъ на 20 или 25 отъ перевала Кушъ-белъ на западъ протягивается эта совершенно сухая степь; лѣвая сторона ея вдоль подошвы горъ засыпана полосой—старыми моренными валунами; ниже другая полоса щебня, затѣмъ гравія, песка и въ самой срединѣ степь по-

крыта тонкимъ чрезвычайно нѣжнымъ иломъ. Пробѣавши этотъ промежутокъ до уроч. Киятъ-баши, только здѣсь впервые встрѣчаешь воду. Эта вода является не изъ ущелья, а прямо изъ почвы бьетъ ключи. Они образуютъ въ этомъ пунктѣ непролазную топь, изъ которой выбѣгаетъ довольно порядочная рѣчка. Происходитъ это оттого, что вся вода, получающаяся изъ Кыркъ-ку отъ тайныя льда и снѣга, уходитъ подъ почвенный слой и просачивается на глубинѣ до середины долины. Еще одинъ переходъ верстъ въ 25 и мы достигаемъ урочища Мужа, замѣчательнаго тѣмъ, что здѣсь, при сліяніи двухъ ручьевъ, на широкой солончаковой площадкѣ, поросшей кипцомъ и ряномъ, скучиваются кашгарскіе киргизы. Здѣсь живетъ бекъ, важный по имени, но очень бѣдный въ дѣйствительности. Среди его „подданныхъ“ бѣдность царить еще большая. Тутъ намъ впервые пришлось познакомиться съ большими череполохомъ, который произвело наше неожиданное появленіе. За Мужа Сѣверная Гезь продолжается еще верстъ на 20 въ видѣ широкой долины, затѣмъ быстро стуживается, входитъ въ болѣе тѣсная горы и, пробивая въ нихъ себѣ дорогу, доходитъ до того пункта, гдѣ въ нее впадаетъ ручей изъ Буянь-кула; здѣсь, какъ я говорилъ, встрѣчаются двѣ Гези, исчезающія въ одной тѣсинѣ, которая собственно и носитъ названіе Гезъ. Что касается до пути, по которому направился я отъ Мужа, то онъ тянется очень недолго вдоль просторной долины и вскорѣ, съ поворотомъ на Ой-балгынь, начинается чисто горная мѣстность, хотя мѣстами являются маленькія расширенія въ видѣ котловинъ, которыя даютъ возможность кочевать киргизамъ. Перевалъ Ой-балгынь въ 15.500 футовъ довольно легко доступенъ и съ него открывается прекраснѣйшій видъ на всю Рянгульскую котловину, а также и на тройной пикъ Мустатъ-ата, видный за горами на востокѣ.

О котловинѣ Рянъгъ-кули мнѣ сказать особенно нечего. Скажу только, что котловина эта богата солонцами, еще богаче пескомъ, довольно сыпучимъ, но среди тѣхъ и другихъ встрѣчаются и пространства, которыя даютъ возможность кочевать киргизамъ. Въ озера лѣтомъ не сбѣгаетъ ни одного ручья, хотя вѣроятно, что есть подпочвенные ключи, питающіе озера. Рѣчка, которая когда-то составляла одинъ изъ самыхъ значительныхъ восточныхъ притоковъ Рянъгъ-кули, теперь даже не доходитъ до его котловины и теряется въ пескахъ. Черезъ ея верховье и перевалъ Тонъ-терекъ (15½ тысячъ футовъ) я спустился въ долину малаго Кара-кули. Только что спустился съ перевала, пройдемъ верстъ съ 5 и по-

веревьш на лѣво на востокъ, какъ откроется великолѣпнѣйшій видъ на Мустагъ-ата. Этотъ дѣйствительный „Отецъ ледяныхъ горъ“ воздымается надъ площадью сосѣдней озерной долины на 12½ тысячъ футовъ и имѣетъ абсолютную высоту болѣе 25 тысячъ футовъ. Гигантъ выдвигается въ такихъ красивыхъ рамкахъ ущелья, такъ величественно облекается почти постоянно покрывающими его вершину облаками, что невольно останавливаешься на мѣстѣ и любуешься на эту грандіозную картину. То, что я сумѣлъ нанести своимъ слабымъ карандашомъ, далеко, конечно, не можетъ передать природы. Три главы Мустага образовались вслѣдствіе сползанія съ него ледниковъ. Представьте себѣ форму, близкую къ конусу, или къ куполу, который сплошь покрытъ толстымъ снѣговымъ покровомъ. Снѣгъ этотъ, превращаясь въ фирнъ, спускается въ видѣ многочисленныхъ ледниковъ во всѣ стороны съ Мустагъ-ата. Но въ трехъ или четырехъ мѣстахъ фирну удалось проторить себѣ болѣе глубокия дороги въ видѣ желобовъ съ отвѣсными стѣнками. Какія особыя условія способствовали образованію этихъ желобовъ — сказать трудно, ибо на видимыхъ обнаженіяхъ гнейсовъ, слагающихъ Мустагъ, нельзя прослѣдить нарушенія въ общей правильности ихъ залеганія.

Современные ледники не спускаются ниже 13½ — 14 тысячъ футовъ; но на гораздо большее развитіе ихъ въ прежнее время указываютъ лежащій вдоль подножія Мустага мощный поясъ древнихъ моренныхъ отложений. Отъ Мустага идетъ довольно веселая долина Пиринъ-кыкъ, которая обогащется въ Малый Кара-куль. Вся долина эта представляетъ сплошную зеленую ленту мокраго дуга, который въ то время былъ весело убранный глубокими пятнами незабудокъ.

Малый Кара-куль открывается лишь тогда, когда подъѣдешь къ нему близко. За небольшимъ поворотомъ рѣчки передъ нами сразу раскидывается небольшая котловина этого озера. Теперешняя котловина была когда-то дномъ озера, въ настоящее время занимающимъ лишь ея сѣверную часть; остальное пространство представляетъ совершенно ровную площадь съ обильнымъ подножнымъ кормомъ для рѣдкихъ кочевниковъ здѣшнихъ мѣстъ. Котловина окружена невысокими скалистыми горами. Но за этими передовыми горками на сѣверовосточной сторонѣ Малаго Кара-куля воздымается цѣлая огромная стѣна снѣжныхъ пиковъ, совершенно сходныхъ съ Мустагомъ, гигантская голова котораго видна на юго-востокъ отъ озера. Мустагъ-ата также не отдѣльная гора, а только высшая сѣверная точка цѣлой снѣжной группы, вытянутой въ видѣ ве-

длиннаго крыла на SOS вдоль долины Тагармы; другая такая-же линия горъ, нѣсколько какъ будто сдвинутая, относительно первой, вдоль рѣчки Кенгшиберъ, — носитъ названіе Швакты. Эти горы соприкасаются справа долину Южной Гези. Въ массивности и величинѣ онѣ не уступаютъ Мустагъ-ата и по приблизительному моему измѣренію пики ихъ въ части Швакты лишь тысячи на полторы футовъ ниже самого „Отца ледяныхъ горъ“. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ группѣ Мустагъ-ата, мы видимъ рядъ высочайшихъ вершинъ, поднимающіе по ихъ склонамъ и въ ущельяхъ глетчеры, а ниже высокую ступень подножія, также заспанную моренными отложениями.

Выходя отъ Малаго Кара-куля на Акъ-су идетъ на перевалѣ Улугъ-рабатъ (13.600), ведущій сперва въ бассейнъ Тагармы, а затѣмъ уже черезъ другой перевалъ Гудьма въ 14.300 футовъ спускается къ Акъ-су по долинѣ Кошъ-агилу. Послѣдній перевалъ замѣчательнѣе тѣмъ, что представляетъ изъ себя небольшую площадку, на которую забираются киргизы для лѣтнаго кочевья. На Кошъ-агилѣ только въ самыхъ верховьяхъ мы видимъ пчелоточные ключики, около которыхъ кочуютъ три четыре кибитки киргизовъ, — ключики, которые какъ неожиданно выбѣгаютъ изъ-подъ камней, такъ же неожиданно и скрываются; вся же нижняя часть широкой долины Кошъ-агилла совершенно суха, покрыта пескомъ и подходитъ къ рѣкѣ Акъ-су нѣсколькими мелкими галечными террасами. Сама долина Акъ-су тоже ограничена песчано-галечными рѣчными террасами, придающими ей весьма пустынный характеръ; лишь около самой воды встрѣчаются небольшія площадки, заросшія зеленью.

Пространство отъ устья Акбайтала до Истыка оказалось точно также принадлежачимъ къ сухой, безводной части Памира. Здѣсь, широкія отъ 3 до 7 верстъ долины, преимущественно NW-го направленія, тянутся между невысокими градами горъ, мѣстами переходящими въ холмы и гривы. Вся почва усыпана пескомъ и галькой, нѣтъ ни воды, ни растительности. Это безводіе заставило насъ сдѣлать кружной обходъ, чтобы почевать близъ маленькихъ ключей. Двигаясь прямо, намъ довелось бы все время идти по желобу между горами одного направленія, пересѣкаясь небольшими поперечными перемычками, служащими водораздѣлами дождевыхъ потоковъ, быстро всасывающихся въ сухую почву долины. По юго-восточную сторону водораздѣла уже въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Истыка, лежитъ такая же сухая мѣстность, раз-

битая па долины, лога, котловины, и лишь близь самага Истыка появляются изъ подъ почвы небольшіе ключи. Это общее свойство здѣшнихъ сухихъ долинъ. Въ началѣ нашего пути на Истыкъ отъ устья Акбайтала часть дороги лежала по ручью Кара-су, а въ верхней долинь его, называющейся Караулдиль, царствовало полное безводіе; чтобы избѣжать его мы и должны были, вмѣсто одного съ четвертью перехода по прямому направленію, сдѣлать полныхъ два съ однимъ лишнимъ переваломъ. Совершенно другое мы наблюдаемъ по ту сторону Истыка; здѣсь мѣстность сильно орошена многочисленными вѣтвистыми притоками, выбгающими изъ сѣверныхъ склоновъ Ваханской горной цѣпи, достигающей высоты 18.000 ф.

Долина Истыка отъ того пункта, къ которому мы на нее вышли, т. е. примѣрно отъ устья Игри-мюэзъ, дѣлится на двѣ части, непохожія другъ на друга: тогда какъ все верховье ея представляетъ широкую долину, незамѣтно сливающуюся съ цѣлой сѣтью такихъ же долинъ, по которымъ бѣгутъ ея правые притоки, внизъ отъ Игри-мюэза мы вступаемъ въ тѣсное поперечное ущелье съ трудной дорогой, съ обрывистыми берегами, которые только уже въ самомъ низовѣ Истыка раздвигаются снова и образуютъ просторную долину.

Переходъ отъ Истыка до перевала Уртабелъ характеризуется крайне медленнымъ подъемомъ, такъ что самый перевалъ съ сѣверной стороны является совершенно незамѣтнымъ. Путь если и былъ довольно тяжелъ, то потому только, что доводилось часто ѣхать безъ дороги по значительнымъ мореннымъ отложениямъ то совершенно оголеннымъ, то напротивъ закрытымъ толстымъ кочкарникомъ.

Верховья Акъ-су я не стану описывать. Это силосная цѣпь озеръ вдоль зеленѣющей долины, необыкновенно красиво рисующейся сверху, съ перевала Уртабелъ, спускающегося къ Акъ-су круглой ступенью. Водораздѣлъ Акъ-су и Ваханъ-даръи интересенъ тѣмъ, что лежитъ на такой ровной и обширной площади, на которой нельзя сразу даже разобрать, куда направляются воды горныхъ ручьевъ. Только послѣ тщательнаго изслѣдованія оказалось, что воды Кул-айрыка, выбгавъ изъ Ваханскихъ горъ, быстро разбуртываются на водораздѣлѣ въ видѣ вѣера и затѣмъ уже незамѣтно раздѣляются: одинъ рукавъ направляется на W къ Ваханъ-даръи, а нѣсколько лѣвыхъ заворачиваютъ къ O и выдаются въ до-

вольно значительное озеро Чакмактынъ-кулъ, которое и слѣдуетъ считать головой Акъ-су.

Еще въ письмѣ съ Алая я указывалъ на то, что за начало Ваханской рѣки надо считать рѣку Альмалянъ, ущелье которой глубоко врѣзывается въ сѣверные склоны Гиндукуша. Моя поѣздка по Альмалянъ сложилась довольно неудачно; во первыхъ, проводникъ мой не зналъ туда дороги, во вторыхъ, его нельзя было взять съ собой хотя бы въ качествѣ просто человека, привычнаго къ путешествію, ибо его довелося послать на рекогносцировку Ваханскаго хребта для поисковъ перевала Варрамъ-куталъ въ сторону Вольшого озера. Поэтому я долженъ былъ похвѣть съ самымъ немудрымъ изъ нашихъ джигитовъ, и вся работа по разысканію дороги упала на меня. Это затруднялось еще болѣе утреннимъ туманомъ, который скрывалъ все ущелье. У единственнаго моста, соединявшаго оба берега Альмайна еще въ его нижнемъ теченіи, пришлось рѣшать свою судьбу и по общему характеру мѣстности опредѣлить, гдѣ должна идти дорога въ верховья Альмайна. Опре-дѣленіе удалось сдѣлать довольно вѣрно; горная дорожка дѣйствительно оказалась идущей по избранной правой сторонѣ рѣки, не допускающей переправы черезъ нее по многоводію и быстринѣ.

Долина Альмайна скорѣе можетъ быть названа тѣсною по той крутизнѣ горныхъ склоновъ, которыми она обставлена. Это самый каменистый, самый глухой уголь южной окраины Памира. Съ лѣвой стороны Альмайна вздымаются эффектіивніе гранитные пики Гиндукуша, казущіеся уходящими въ самое небо; тамъ, среди этихъ сотенъ острыхъ совершенно бѣлыхъ пиковъ, гнѣздится цѣлое царство ледниковъ самыхъ причудливыхъ формъ и сочетаній; они ползутъ по склонамъ и ущельямъ, къ Альмалянъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не выходитъ въ самую долину слѣднаго, останавливался на довольно опредѣленной линіи около 14.000 ф. Самая долина Альмайна очень характерна не однимъ своимъ чисто альпійскимъ скалистымъ типомъ; на ней прекрасно выражены слѣды работы древняго ледника, когда-то заполнявшаго всю долину и принимавшаго въ себя многочисленные ледяные потоки со стороны Гиндукуша.

Пройдя верстъ 35—40, я долженъ былъ вернуться назадъ, такъ какъ дальнѣйшее движеніе вверхъ по Альмалянъ заставило бы меня почевать здѣсь и вызвало бы беспокойство въ отрядѣ, ждавшемъ меня къ ночи. Приѣхавъ къ стойнкѣ уже ночью и узнавъ, что рекогносцировки въ Ваханскія горы дали отрицательный отвѣтъ о возможности перевалить на ихъ сѣверную сторону, я принужденъ

былъ отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія Альяма, ибо потерявъ на это нѣсколько дней, я не могъ бы уже прийти на Аличуръ къ условленному съ Путатой времени.

Что касается долины собственно р. Памира, я позволю себѣ пропустить теперь рассказъ о ней, такъ какъ описаніе, хотя и не особенно полное — существуетъ въ трудахъ англійскихъ экспедицій. Добавлю къ ихъ свѣдѣніямъ, что на водораздѣлѣ между р. Истыкомъ и р. Памиромъ мы встрѣтили два озера: одно совершенно изолированное, не имѣющее ни притока, ни истока и называющееся — Курукъ-Кунтей, т. е. „суходольное“ озеро; слѣдующее къ западу озеро даетъ начало рѣкѣ, которая впадаетъ въ Большое озеро (Зоръ-куль) и по выходѣ изъ него называется *Памиръ*. Кромѣ того оказалось, что истоки какъ этой рѣчки, такъ и Большого озера находятся не въ сѣверныхъ горахъ, какъ утверждали англичане, а въ южныхъ (т. е. не въ Памирской, а въ Ваханской горной цѣпи), что и является весьма понятнымъ и естественнымъ послѣ изученія общаго характера склоновъ этихъ горъ: такъ, сѣверная сторона Ваханской цѣпи обладаетъ длинными и глубокими ущельями, заполненными ледниками и снѣгомъ, а противоположная сторона Памирской цѣпи напротивъ имѣетъ очень короткія ущелья безъ всякихъ запасовъ снѣга и снабжаетъ Зоръ-куль крайне убогими и рѣдкими ручейками.

Чтобы познакомиться съ Памирской горной цѣпью мы сдѣлали ихъ пересѣченіе нѣсколько западнѣ Большого озера, двинувшись на перевалѣ Башъ-гумбездъ, лежащій въ самой скалистой части горъ. По высотѣ онъ оказался самымъ большимъ изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами на Памирѣ переваловъ. Большинство пройденныхъ мною равнялось 14¹/₂—15¹/₂ т. ф., и лишь одинъ — Караартекій превышалъ 16000'. Башъ-гумбездъ достигаетъ 17000'.

Хотя этотъ перевалъ, по увѣренію нашего проводника, и очень часто практикуется киргизскими караванами, но врядъ ли показанію этому можно довѣрять, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оказался весьма тяжелымъ. Трудность подъема зависитъ отъ того, что весьма значительное пространство верхней части подъема завалено огромными остроребрными моренными валунами, до которыхъ не вездѣ было можно ѣхать и на верховой лошади. Съ приближеніемъ къ перевалу увеличивается и крутизна подъема. Дорожка совершенно теряется и проводить лошадей здѣсь среди множества дмръ между камнями очень рискованно, не говоря уже о страшной работѣ для нихъ при подъемѣ по безпорядочнымъ глыбамъ на

такой значительной высотѣ. Самый гребень на перевалѣ и острѣ какъ ножъ, и весьма узокъ. Спускъ на ту, Аличурскую сторону оказался еще труднѣе и въ одномъ мѣстѣ даже довольно опаснымъ. За второй ступенью предстояло пройти крайне крутой спускъ среди огромныхъ валуновъ и скалъ. Наконецъ путь пересѣкался совершенно отвѣсной каменной стѣной сажени въ 1¹/₂ вышиною. Подниматься отсюда назадъ было немислимо. Развязали лошадей, спустили вещи на рукахъ, а конямъ предоставили самимъ выбрать наилучшій пріемъ, какъ соскочить со ступени. Большинство впрочемъ отдѣлялось незначительными ушибами.

Останавливаясь на этихъ подробностяхъ, чтобы нагляднѣе обрисовать характеръ перевала черезъ скалистый гребень Памирскихъ горъ.

Но спустившись изъ чисто скалистой верхней части ущелья, мы попадаемъ сразу въ лучшія условія: здѣсь уже есть и кормъ, и кустарныя дрова, и сносная дорожка, которая вскорѣ выводитъ къ широкой долинѣ Аличура, чисто-памирскаго типа. Мнѣ собственно описывать эту долину не слѣдовало бы, такъ какъ она была подробно изслѣдована раньше насъ Н. А. Свердловымъ; скажу въ двухъ словахъ, что выгоды ея заключаются главнымъ образомъ въ ея большомъ орошеніи, а слѣдовательно и въ богатомъ подножномъ кормѣ.

Начинается рѣка Аличуръ цѣлымъ рядомъ ручьевъ вытекающихъ изъ тѣхъ же сѣверныхъ Памирскихъ горъ, съ такими же высокими и каменистыми ущельями какъ и только что описанный Башъ-гумбездъ. Сбравшись въ одно русло, ручьи эти (главный изъ нихъ называется Учколъ) выходятъ уже въ долину, которая собственно и носитъ названіе Аличура. Аличуръ замѣчательнѣе тѣмъ, что только въ сильную воду ручьи Учкола достигаютъ до самой Аличурской долины у Чатыръ-таша; въ осеннее же и зимнее время эти ручьи иссякаютъ въ низовья и рѣка Аличуръ возникаетъ въ своей широкой долинѣ ниже уже Чатыръ-таша изъ цѣлага ряда ключей, или озеръ, изъ которыхъ сразу выбѣгаетъ въ видѣ довольно большой рѣчки. Здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ верстъ Аличуръ какъ правильная рѣчка совершенно не существуетъ и представляетъ вязкую непроходимую трясиину. Вдоль всей широкой долины Аличура тянется луговая растительность, а у впаденія рѣки въ Яшылъ-куль мы видимъ первыя проявленія древесной растительности — кусты лозняка.

Озеро, окружено горами съ крутыми склонами и имѣетъ огромныя известія П. Р. Г. 6. — т. II.

вѣйшую глубину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. на южной сторонѣ) высокій и отвѣсный берегъ едва доступенъ, даже для привычнаго пѣшехода.

Къ западному концу Яшил-куль все суживается, вытянувшись въ длину болѣе чѣмъ 20 верстъ; наконецъ небольшой боковой отрогъ Бураманъ-бель со стороны Аличурской цѣпи какъ будто запираетъ это озеро. Мой проводникъ вначалѣ даже смутилъ было меня, сказавъ, что истока Яшил-куля нѣтъ, а что рѣка Гунтъ начинается по ту сторону перевала Бураманъ-бель. При непосредственномъ осмѣтрѣ оказалось однако, что этотъ отрогъ провантъ, но сливается такъ сказать съ значительнымъ каменнымъ заваломъ, тянущимся отъ южныхъ горъ. Заваль этотъ загромоздилъ весь конецъ озера, вода котораго пробирается уже подъ камнями. Черезъ этотъ заваль перебирается дорога съ южной стороны озера къ Бураманъ-бели. Дорога какъ среди завала, такъ и до перевала Бураманъ крайне утомительна. Но зато, вступивъ въ долину Гунта, путешественникъ по Памирскимъ степнымъ пространствамъ невольно поддается радостному чувству, подъ вліяніемъ раскинушагося веселаго пейзажа, такъ давно уже невидѣннаго памирцемъ. Вся долина убрана густой древесной растительностью, съ пріятнымъ разнообразіемъ горной группировки, съ множествомъ милыхъ уютныхъ тѣнистыхъ уголковъ по берегамъ красивой рѣчки.

Вдоль по такой долинкѣ, представляющей сплошную лѣсъ, я добрался до с. Сардыма.

Что касается до долины Тогузъ-булака, то она интересна только въ томъ отношеніи, что представляетъ чрезвычайно рѣзкіе слѣды бывшихъ тамъ поселеній, указывающіе на то, что еще очень недавно поля туранскихъ поселеній по Тогузъ-булаку доходили до высоты болѣе чѣмъ 11000'.

Мнѣ осталось еще сказать о переходѣ черезъ Харгошъ. Къ югу отъ Яшил-куля встрѣчается масса озеръ образовывавшихъ когда-то вмѣстѣ съ Яшил-кулемъ широкую озерную область Аличура. Но какъ только двинешься съ этой широкой площади къ Харгошскому перевалу, сейчасъ же попадаешь въ тѣсное каменистое ущелье, характерное для Памирской цѣпи, хотя здѣсь уже не встрѣчаешь особенныхъ затрудненій; переваль этотъ считается однимъ изъ наилучше практикуемыхъ проѣзжающими съ Аличура на Памиръ. Южный спускъ начинается тоже двумя или тремя озерами, изъ которыхъ ручеекъ ниспадаетъ веселымъ каскадомъ по зеленымъ ступенямъ.

Долина Памира, начиная съ Большаго озера, такъ завалена отъ самой подошвы Ваханскихъ горъ моренными образованиями, что теряетъ совершенно свой прежній плоскій и широкій характеръ. Рѣка Памиръ, съ самаго того момента какъ она вышла изъ Зоръ-куля, бѣжитъ въ крайне тѣсныхъ берегахъ. Справа тянется гранитная стѣна, круто обрывающаяся къ рѣкѣ и оставляющая узкую въ 2—3 аршина ширины полосу вдоль самой воды, гдѣ и пробирается тропинка. Ниже, близъ Юль-мазара, хотя долина нѣсколько расширяется, вдоль рѣки тянутся узкія ленты луга, — по уже характеръ чисто памирскихъ широкихъ долинъ здѣсь не повторяется. Къ травянистой растительности примѣшиваются мало помалу кусты и деревья, и по мѣрѣ движенія съ СВ. къ ЮЗ. долина все болѣе и болѣе вѣзывается въ горы, дорога уже глѣнится среди камней и очень опасныхъ утесовъ, между которыми у Маса рѣка бѣжитъ наконецъ каскадомъ не болѣе 4-хъ саженъ шириною. Движеніе по р. Масу на р. Шахдару не представляетъ особенныхъ затрудненій, за исключеніемъ начала дороги отъ Памира, гдѣ нужно одолѣть крутой подъемъ (до 35°) чтобы обойти каменистую щель при устьи Маса; дорожка идетъ высоко надъ этой щелью, кажущейся при взглядѣ внизъ пропастью. Я, человекъ не отличающійся слабыми нервами и давно уже привыкшій къ горнымъ тропинкамъ, карнизамъ и балконамъ, ѣдучи по этой дорожкѣ, старался не смотрѣть на право, гдѣ за весьма крутымъ склономъ, по которому шла тропинка, сразу обрывалась отвѣсомъ стѣна глубокой щели Маса, производя дѣйствительное впечатлѣніе бездонной пропасти (отвѣсная глубина ея съ полверсты).

Прямая дорога отъ укрѣпленія Кала-и-Панжа черезъ Масъ гораздо удобнѣе, ибо на ней нѣтъ описаннаго тяжелаго подъема, такъ какъ она идетъ все время вдоль высокой рѣчной террасы праваго берега Памира, выходя почти прямо къ вершинѣ упомянутаго боковаго перевала. Спустившись затѣмъ въ долину Маса, движеніе идетъ обыкновеннымъ порядкомъ до самаго очень пологого подъема на переваль къ Шахдарѣ. Но на ту сторону идетъ довольно крутой спускъ нѣсколькими ступенями, такъ что очень быстро уже входяшь въ ровную, просторную, спокойнаго типа долину. Верстахъ въ 12—16 отъ этого пункта уже начинаются по Шахдарѣ старіе, брошенные теперь поселки; современная же осѣдность отодвинулась внизъ по рѣкѣ болѣе чѣмъ на день ходу (первое селеніе Сеизъ).

Въ началѣ же спокойной долины Шахдары находится и поворотъ дороги на Аличуръ, вдоль небольшого и ничѣмъ не интерес-

наго ущелья Кокъ-бай, которым выходить на широкое плато, протягивающееся мимо вершины Тогузъ-булака до самого Аличура. Въ центрѣ этого плато, нѣсколько западнѣе моей дороги, находится большое озеро Тургутай, которое мнѣ видѣть не удалось. Замѣчательно оно тѣмъ, что лѣтъ 25 тому назадъ окрестности его были полны киргизскими кочевниками.

Мнѣ осталось рассказать еще о дорогѣ на Серезъ. Начинается она вдоль ущелья Пшарта, любимыхъ лѣтровокъ памирскихъ киргизъ. Переваль Пшартъ незамѣтенъ, но какъ только перейдешь на ту сторону, дорога мѣняется, входи въ узкую тѣснину ручья съ цѣлымъ десяткомъ мѣняющихся названій. Вдоль этого ручья выходилъ днѣ черезъ два въ долину большой рѣки Мургаба, по которой дорога и путается до Сереза.

О первой половинѣ дороги скажу, что ея въ большей части случаевъ совершенно не имѣется, хотя особенныхъ трудностей нѣтъ. Выходъ на Мургабъ у Чатъ-токая затрудняется тѣмъ, что бывшая здѣсь раньше дорога надъ лѣвымъ берегомъ озера Сассыкъ-кули теперь размыта и нужно одолѣть очень крутой подъемъ и спускъ по старой гигантской моренѣ, ниспадающей въ самое озеро.

Вторая половина пути вдоль самого Мургаба есть наиболѣе мучительная. Полмѣсяца ранѣе здѣсь еще не было дороги, ибо характеръ Мургабской тѣсины позволяетъ ѣхать лишь при условіи очень частыхъ переправъ съ одного берега на другой: дорога то и дѣло упирается въ нависшія надъ самой рѣкой скалы, обойти которыя можно лишь по другому берегу, а эти переправы возможны только въ низкую воду. Даже во время моего движенія (конецъ августа) переправы далеко не вездѣ были возможны и представляли множество затрудненій.

Для того, чтобы характеризовать этотъ путь, укажу на два примѣра. Въ одномъ мѣстѣ въ теченіи цѣлаго дня, измучивши весь свой отрядъ, я могъ пройти только 10 верстъ. Дѣло было такъ. Дошли до скалы, упершейся въ рѣку. Чтобы одолѣть ее нужно было исправить въ ней дорожку, перенести весь багажъ на рукахъ и даже пенавъченыхъ лошадей провести съ большимъ рискомъ. Обошли. Но вскорѣ дорожку загородилъ другой такой же „камень“, черезъ который уже нельзя было перебраться. Пробовали рѣку—брода не оказалось. Предстояло вернуться, но выручила пара глупыхъ лошадей. Во время расчистки дороги, когда весь отрядъ былъ остановленъ вдоль берега въ водѣ, парѣ верховыхъ лошадей скучно стало стоять въ водѣ и она стала бродить, вскорѣ сорвалась въ глубь и виланъ выбралась на по-

тивуположный берегъ. Когда казакъ поѣхалъ за ними черезъ рѣку, то совершенно случайно попалъ на глубокий бродъ. Это дало мысль перебраться изъ большихъ выюковъ малые и въ нѣсколько разъ перевезти ихъ на надежныхъ лошадяхъ. Возня съ этой переправой черезъ бурную рѣку, доходившую до сѣдла, заняла много времени и когда всѣ перебрались на другую сторону, было уже темно, всѣ измучены, нужно было почевать. Пунктъ ночлега отъ первого камня равнялся 1½ верстамъ, на которыя потребовалось болѣе 5 часовъ времени.

Въ другомъ мѣстѣ, на половинѣ хорошаго перехода до Сереза, чтобы обойти одну изъ такихъ скалъ, нужно было рискнуть на очень опасный перевалъ черезъ нее. Дорожка, доходившая по крутизнѣ до 38° и даже 40°, выводила на гребень скалы, и затѣмъ шла причудливымъ карнизомъ надъ самымъ обрывомъ. Здѣсь она становилась настолько узка, что даже съ верховыхъ лошадей нужно было отвязать шинели изъ тороковъ; лошадь должна была тереться бокомъ о стѣну и, пройдя это мѣсто, сдѣлать довольно опасный прыжокъ черезъ прогину, обрывавшуюся внизъ.

Такой-то „дорогой“ я добрался наконецъ до живописнаго Сереза съ миниатюрной крѣпостцей.

Я шелъ туда за хлѣбомъ, какъ для себя, такъ и для чаттарскаго отдѣла Путаты. Жители Сереза встрѣтили меня какъ побѣдителя, и мнѣ стоило большихъ дипломатическихъ усилій, чтобы отклонить отъ себя эту почетную роль. Купивъ муки и набравъ лешенекъ, я торопливо двинулся назадъ, чтобы переваломъ Карабулакъ выйти на рѣку Кокуй-белъ на встрѣчу отряда Путаты. Карабулакскій перевалъ хотя и не особенно высокъ (15½ т. ф.), но самый тяжелый при подъемѣ на него отъ Мургаба. Съ неимоверными усиліями мы втащили выюки по крутой (до 33°) неустойчивой осыпи изъ камня, часто събѣзжавшей внизъ вмѣстѣ съ лошадьми.

Но какъ только подойдешь къ перевалу, такъ мѣстность сразу измѣняется. Начинаются снова памирскія степныя выси, съ ковылемъ, партіями архаровъ, озерками съ гусиными и утинными стадами и луговыми пастбищами. Отсюда мы вступили въ сѣверо-западную часть луговаго Памира. Она выражена широкой топкой долиной р. Кокуй-белъ, сливающейся незамѣтно съ южной плоскостью Каракульскаго бассейна на сѣверѣ и съ долиной Восточной Шуралы на западѣ, вдоль по которой я и дошелъ до ур.-Кокджаръ, гдѣ встрѣтилъ другой отдѣлъ экспедиціи.

Скажу вамъ еще одно слово о перевалѣ отсюда на р. Белепкинскъ, который давно былъ извѣстенъ по разсказамъ подь именемъ Тахта-Горума, и извѣстенъ какъ весьма важный и горный путь, соединяющій Памирь съ западными Алаемъ. Тахта-Горумъ раздѣляетъ два не особенно широкихъ, но спокойно поднимающихся короткихъ ущелья того же имени. Двигаясь съ юга, вы подходите къ большой ступени отвѣсной скалы, какъ бы разгораживающей эти два ущелья. Довольно удобными зигзагами поднимаетесь на верхъ этой скалы и двигаетесь по южному Тахта-Горуму, который и далъ названіе этому перевалу: „Досчатая Осыпь“. Дѣйствительно, весь съверный спускъ Тахта-Горума устланъ широкими каменными пластинами слюдястаго сланца и песчаника, напоминающими доски. Движеніе по такой осыпи совсѣмъ безъ видимой дороги довольно удобно. За то дальнѣйшій переходъ черезъ слѣдующій перевалъ Кайнды чрезвычайно затруднителенъ. Приходится проводить лошадей по голому льду Кайндитскаго ледника, что и хлопотливо, и опасно, и весьма тяжело.

II.

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 2 мая 1884 г.).

Господа!

Теперь, когда вы уже ознакомились съ характерными особенностями Памирскаго рельефа, намъ осталось бросить общій взглядъ на органическую природу этой страны, чтобы затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ условий, въ которыхъ приходится жить населенію какъ на самомъ Памирѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Если изъ Ферганской котловины (средняя высота которой вдоль Сыръ-Дарьи равна полутора тысячамъ футъ), котловины съ густымъ обильнымъ населеніемъ, съ жаркимъ климатомъ, позволяющимъ воздѣлывать хлопокъ, рисъ, виноградъ и т. п., съ крайней тѣсотой полевого хозяйства, занимавшего все орошенные клочки земли, — если изъ этого типичнаго уголка мусульманскаго Туркестана мы двинемся на югъ, или вѣрнѣе на юго-востокъ, то перейдя пограничную Ферганскую цѣпь горъ, которая называется Алайскою, мы попадаемъ совершенно въ другую страну, съ другимъ климатомъ, съ другимъ воздухомъ, съ другой высотой, вступаемъ въ широкую

долину Алая отъ 9—10 тысячъ футъ абсолютной высоты, и ширину мѣстами доходящую до 40 верстъ. Ограниченная на югѣ высочайшей снѣговой цѣлью Заалайскихъ горъ, Алайская долина тянется отъ О на W правильной ровной степью, почти сплошь открытой луговой растительностью.

Вступивъ въ долину верхняго Алая, мы уже вступаемъ въ природу, во многомъ сходную съ природой Памира; Алай ни больше ни меньше какъ преддверіе памирскаго вѣсы, и многіе совершенно вѣрно относятъ Верхній Алай къ памирскому плоскогорью. На Алаѣ лѣтомъ кочуетъ множество ферганскихъ киргизъ, протесторно раскидывая вдоль него свои аулы; но изъ Верхняго Алая они уходятъ назадъ черезъ 60 дней и только въ Среднемъ и Нижнемъ Алаѣ они остаются дольше, а многіе изъ нихъ тамъ имѣютъ и зимовки.

Въ долинѣ Алая вы встрѣчаете среди луговъ ковыль, кипецъ, оржанцу и другіе злаки, образующіе богатія пастбища луговыми. Ближе къ водѣ тянется мелкая осока, по мѣстному называемая „рянгъ“ (*Carex physodes*). Среди тѣхъ и другихъ луговъ намъ встрѣчаются многіе наши знакомцы: незабудки, куриная слѣпота, ромашка, одуванчики, богородичина трава и т. п., многочисленные представители изъ семейства мотыльковыхъ, горошки, клеверъ, и др.

Въ началѣ іюня, т. е. во время Алайской весны, когда цвѣтеніе въ полномъ разгарѣ, веселѣе, роскошнѣе картинъ чисто степнаго характера, которую представляетъ Алай, трудно найти.

Я намѣренъ съ нѣкоторой подробностью останавливаться на описаніи алайскихъ луговъ потому, что двигаюсь съ Алая прямо на Памирь, и переходя все болѣе и болѣе въ южныя его части, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подвигались, такъ сказать, и во времени и постепенно поднимались все на большую и большую высоту. Вотъ эта-то постепенность движенія на югъ и на большую высоту и дала намъ возможность идти все время, до самой южной части Памира, по той же самой весенней природѣ, которую мы видѣли на Алаѣ: передъ нами продолжалось цвѣтеніе все тѣхъ же самыхъ цвѣтотъ, передъ нами развертывались тѣ же самые луга, которые мы видѣли на Алаѣ, и съ которыми мы тамъ познакомились. На Памирѣ, если что и особенно поучительно въ смыслѣ его флоры, то это только то, что тамъ она не такъ разнообразно смѣшанна и характеръ ея гораздо удобнѣе наблюдать по небольшимъ участкамъ, которые она занимаетъ, такъ какъ на Памирѣ нѣтъ такихъ огромныхъ широкихъ луговъ, каковы на Алаѣ. Такъ, на памирскихъ долинахъ, какъ

рѣчныхъ такъ и озерныхъ, на слащеющей почвѣ произрастаетъ кипецъ; тамъ, гдѣ къ ней прибавляется песокъ, являются мотыльковыя растенія: горошекъ, клеверъ и проч.; становится мѣстность болѣе сухой, прибавляется къ пей камень, является мелкій полутравянистый кустарникъ, котораго латинскаго названія я не знаю, но мѣстному же его зовутъ „терскень“, а Гордонъ опредѣляетъ его принадлежащимъ къ семейству Лавендовыхъ. Какъ только начинаются мокрые дуга, мы сейчасъ же встрѣчаемъ ту же самую осоку, которая создала такъ много собственныхъ именъ на Памирѣ, какъковы Рангъ-кулъ, рѣка Рангъ, урочище Рангъ и т. п.; всходимъ на болѣе сухіе склоны предгорьевъ и тамъ на глинистой и дерновой почвѣ раскинулись серебристыя ковыльные пространства; начинается кочкарное болото и мы встрѣчаемъ мохъ, который мѣстами образуетъ даже торфъ. Въ ущельяхъ на большихъ высотахъ огромныя пространства заняты дикимъ лукомъ; изъ всѣхъ цвѣтковыхъ растеній выше другихъ (на 17000') достигаютъ мелкіе крестовидные.

Такимъ образомъ, вы видите, что луговая флора Памира, — какъ было уже ранѣе опредѣлено и наиболѣе подробно указано по отношенію къ Памиру Н. А. Сѣверцовымъ, — представляетъ смѣсь формъ холодной полосы съ формами степными и горными.

Какъ скоро мы двинемся отъ востока къ западу по Памиру и мѣстность начнетъ понижаться, то съ высоты, примѣрно, 9000 футовъ на сѣверѣ и 12000 на югѣ мы уже входимъ въ предѣлы древесной растительности, начиная съ лозняка. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ камышъ, чій (*Lasiagrostis splendens*), немного ниже — розанъ, иву, березу, горный тополь, облепиху, являющуюся здѣсь значительнымъ деревомъ, непременно украшеннымъ красиво охватывающимъ его *Clematis*, солодку, жимолость, волчьи ягоды, черную смородину, наконецъ древоподобный можжевельникъ (*Juniperus Pseudosabina*) и др., — и рядомъ съ этой древесной растительностью является хлѣбная культура, начинаясь съ ячменя, затѣмъ пшеницы...

Въ силу того, что на восточномъ Памирѣ, среди его широкихъ долинъ, развита флора исключительно луговая, я и называю эту часть луговымъ или степнымъ Памиромъ.

Если всѣ отдѣльныя площади широкихъ рѣчныхъ долинъ и озеръ мы соединимъ въ одно цѣлое, то получимъ форму этого Лугового Памира, весьма близко подходящую къ подкову. Чтобы очертить ее, нужно отъ верховья Ахъ-су провести линію на Яшилъ-кулъ Аличюра, затѣмъ обогнуть Аличуро-Мургабскія горы у устья Ахъ-

байтала и, захвативши бассейны рѣки Кокуй-бели и озеро Каракуль, перейти въ Камтарскій Памиръ.

Въ зависимости отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которые создали смѣшанную флору, мы встрѣчаемъ на Памирскомъ нагорьи и смѣшанную фауну. Здѣсь тоже являются виды холоднаго пояса, степные и горные. Домашній якъ (кутасъ) живетъ на той же высотѣ, на которой живутъ и тысячныя стада архара.

Н. А. Сѣверцовъ весьма справедливо послѣ своего путешествія на Памиръ заявилъ, что г. Костенко напрасно беспокоился о томъ, будто всѣ архары вымерли и къ нашему времени отъ нихъ остались одни рога. Мнѣ удалось близъ истоковъ Большаго озера встрѣтить настолько значительныя стада архаровъ, что ихъ безъ всякаго преувеличенія можно назвать тысячными. Отдѣльныя группы въ 100—150 головъ были легко мною сосчитаны въ бинокль и затѣмъ уже съ этой единицы я могъ сравнить большія горныя площади, покрытыя стадами этихъ красивыхъ и крупныхъ животныхъ. Главнымъ притономъ архаровъ въ началѣ августа служить шоссейскій луговой водораздѣлъ Истыка съ рѣкою Памиромъ. Но они раскиданы, впрочемъ въ небольшихъ уже группахъ, отдѣльными стадами, иногда просто кучами, по всему луговому Памиру; такъ напр. я встрѣчалъ этихъ архаровъ не только по сосѣдству — въ верховья Ахъ-су, но и на Кой-тезень (аличурскомъ), и на Карабулакѣ, и на Ахъ-байталѣ близъ Рангъ-куля, и даже небольшую партію въ верховья Белевъ-кинка.

Въ скалистыхъ горахъ водятся гигантскіе козлы (*Capra sibirica*), по мѣстному называемые „кинками“, представляющіе особенный задоръ для мѣстныхъ охотниковъ. Этотъ кинкъ не настолько доверчивъ и простъ, какъ архары. За архаромъ охота довольно проста, вслѣдствіе того, что онъ не особенно остороженъ и не быстро сообразителенъ. Если неожиданно видти изъ канавы или изъ-за камней передъ кучкой архаровъ, то они прежде всего удивятся и стоятъ на мѣстѣ, какъ будто ожидая, что будетъ дѣлать человекъ, выскочившій передъ ними такъ внезапно. Часто даже послѣ выстрѣла они только пархнутъ и снова замрутъ. Не таковъ кинкъ. Карабкась по верхушкамъ недоступныхъ скалъ, онъ зорко вглядывается во все окружающее и лишь только завидитъ человѣка, старается уйти отъ него подальше. Поэтому туземные киргизы, охотясь на кинка, прибѣгаютъ къ хитрости: водить съ собою яка, постепенно приближаясь къ кинку, который доверія этому животному, подпускаетъ къ себѣ охотника довольно близко.

Среди памирских лугов встречается довольно много бурых медведей; ростом они меньше наших. Моему небольшому отряду удалось убить четырех. В одну охоту вытермом мы заскакали верхом трех медведей часа в два.

Там же встречается большой сибирь волк, такой же величины как и степной. Памирский волк неперемный спутник архара; эти два вида животных страстируют чуть не вместе, до такой простоты доведены их взаимные отношения: на одной и той же площадке, совсем на виду друг у друга, ходят архары и волки. Эта архарья простота ежегодно дает огромный процент зарезанных экземпляров волками. Есть местности среди Памира, замечательны по множеству и скученности на небольшом пространстве голов и скелетов архаров, понавиших на волчьи зубы.

За симъ слѣдуетъ указать на Памиръ, какъ на главный источникъ желтыхъ сурвовъ (не альпійскихъ, а *A. caudatus*) и мелкихъ зайцевъ, принадлежащихъ, кажется, къ тому же самому виду, который встрѣчается у насъ на Иссык-Куль. Этотъ рѣзвый звѣрокъ встрѣчается въ огромномъ числѣ и на луговыхъ долинахъ, и на прилежащихъ къ нимъ горахъ.

Изъ птицъ я укажу на индѣйскаго гуся, атайку, гагару, кулика, черныша, водопяную курочку, альпійскую ворону, *Syrhaptes* или ту куропатку, которая должна считаться принадлежащей высокой степи, потому что она водится не ниже 12.000 футовъ и затѣмъ я встрѣчалъ ее выше 15 т. футовъ. Затѣмъ, въ недоступныхъ каменистыхъ горахъ, водится уларъ (*Megalopredix tibetanus*); кроме того, на Альмаанъ я встрѣтилъ *Pedrix Chukar*, единственный на всемъ Памирѣ выводокъ и то въ очень глухой мѣстности, на высотѣ 14.000'.

Около озеръ и въ рѣкахъ, чрезвычайно богатыхъ османами, усами и другими рыбами, встрѣчаются малые рыболовы (князьки) и большіе (орланы).

Прибавивъ сюда многочисленныхъ представителей изъ семейства *Apidae* (осы, шмелей, пчелъ), множество слѣпней и комаровъ и миллиарды мелкихъ мошекъ, которая особенно злобствуютъ вдоль Большаго озера, я позволю себѣ этимъ и закончить рѣчь о фаунѣ Памира.

Если мы двинемся на западъ и вступимъ изъ Лугового Памира въ Горный Памиръ, то съ измѣненіемъ положенія мѣстности мы замѣтимъ и измѣненіе животныхъ видовъ, постепенно подходя, наконецъ, къ типичному Туркестану. Здѣсь уже вскорѣ мы встрѣ-

чаемся съ началомъ хлѣбныхъ посѣвовъ, сперва ячменя, потомъ пшеницы и наконецъ въ Кала-и-хумъ хлопка.

Что касается до климата Памира, то ни особенно точныхъ, ни особенно обширныхъ данныхъ по этой части я не имѣю. Какъ вообще при подвижныхъ путешествіяхъ и такихъ быстрыхъ переходахъ наблюденія являются на столько отрывочными и случайными, что строгаго вывода сдѣлать невозможно. Однако, по разсказамъ туземцевъ и по тѣмъ отрывочнымъ наблюденіямъ, которые были нами сдѣланы, можно составить нѣкоторое понятіе о суровости Памирскаго климата. Такъ зима тамъ царствуетъ семь мѣсяцевъ. Трудно сказать, какой промежутокъ времени занимаетъ лѣто. Если считать лѣтомъ время, когда не существуетъ ночныхъ морозовъ, то врядъ ли можно продолжительность такого лѣта установить болѣе мѣсяца. Сколько я припоминаю, то съ половини іюня, іюль, начало и, пожалуй, даже середина августа, то есть самые жаркіе мѣсяцы, — часто представляли въ томъ или другомъ мѣстѣ примѣры ночныхъ заморозковъ. Положимъ, это бывало на большихъ высотахъ, но если мы примемъ въ расчетъ, что въ верховьяхъ Истыка долина находится почти на 14½ т. футовъ, то высота въ 15 т. или 15½ т. футовъ не представить уже особенно большой сравнительной разности. И тѣ мѣста, гдѣ мы наблюдали ночные морозы, не будутъ выдаваться противъ этой высоты. Обыкновенно въ жаркіе дни я ѣхалъ въ теплой курткѣ и сверху въ вѣтелѣ. И послѣ такого дня ночью нѣблизко наблюдался морозъ въ 2, 3 или даже 6° С. Раннимъ утромъ вдоль ручьевъ видишь цѣлую бахрму изъ ледяныхъ сосулекъ, а взойдетъ солнце и вдоль этихъ же ручьевъ пестрятъ цвѣтущія растенія.

Что касается до количества выпадающихъ осадковъ, то по нашимъ наблюденіямъ ихъ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ выпадаетъ очень мало; даже облачныхъ дней наблюдалось весьма немного. Дожди въ большинствѣ случаевъ выпадаютъ на половину со снѣгомъ; въ половинѣ іюня и въ началѣ іюли мнѣ приходилось идти подъ бураномъ, положимъ небольшимъ, но раза два все-таки же покрывшимъ всю землю совершенно бѣлыми покровомъ.

Относительно количества снѣга зимой трудно сказать что либо определенное; дѣло въ томъ, что на Памирѣ существуютъ мѣстности, въ которыхъ, по показанію туземцевъ, скопляется много снѣга, напротивъ, въ другихъ или не бываетъ, или очень мало. Такъ на примѣръ въ низовьяхъ Истыка и въ сосѣднихъ долинахъ Ак-буръ, также на Куль-джила и въ долинѣ Шурали снѣга зимой не бываетъ или бываетъ такъ мало, что тамъ легко могутъ пастись ба-

раны, как например, на Шуралы и около Кокуй-беля, или собиравшись стада архаров и кикюев, как на Истикъ и Акъ-буръ.

Подобное явление, я полагаю, зависит главным образом от сильных вѣтровъ, которые способствуютъ неправильному распределенію снѣга, т. е. набиваютъ значительныя его отложения въ одномъ мѣстѣ и проносатъ или сдуваютъ его въ другомъ.

Утверждаютъ, будто бы южное солнце такъ сильно грѣбитъ, что выпавшій снѣгъ, на всѣхъ открытых мѣстахъ, даже зимою, весьма быстро сходитъ¹⁾. Но съ другой стороны существуютъ мѣстности среди Памира, гдѣ снѣгами закрываются всѣ дороги, а если и остаются открытыми, то зимою морозъ доходитъ, во всякомъ случаѣ, до такого числа градусовъ, что всѣ рѣки, даже довольно быстрыя, покрываются льдомъ (какъ напр. Мургабъ).

Вѣтры, преобладающіе на Памирѣ, сколько мнѣ пришлось наблюдать, главнымъ образомъ западные, чему, вѣроятно, способствуетъ преобладающее западно-восточное направленіе долинъ. Хотя я наблюдалъ и противоположныя теченія вѣтра, но они являлись болѣе или менѣе случайными; кромѣ того, разспросы туземцевъ показали, что и зимою преобладаютъ западные вѣтры.

Теперь для насъ должно быть болѣе или менѣе ясно, среди какой природы протекаетъ жизнь человѣческихъ существъ, разселившихся на Памирѣ. Существа эти принадлежатъ къ двумъ народамъ: одна коренная памирская, монгольскаго племени — киргизы. Это тѣ киргизы, которые сами себя называютъ этимъ именемъ и которыхъ мы, въ отличіе отъ киргизъ-кайсаковъ или казаковъ, называемъ кара-киргизами. Они принадлежатъ къ четыремъ подкладамъ: Теитъ, Гадырша, Найманъ и Кипчакъ.

Главная часть этого населенія сосредоточивается въ долинахъ Сѣверной и Южной Гевы (зимовка бека, какъ я говорилъ, въ ур. Мужы), въ районѣ Рянъ-гуля, на Акъ-байталѣ, на Акъ-су и на Аличурѣ (гдѣ зимуетъ до двадцати кибитокъ), затѣмъ въ бассейнѣ Кокуй-беля. Кромѣ того, одна или двѣ кибитки киргизовъ кочуютъ лѣтомъ около Урта-беля, но остаются ли они тамъ постоянно — я не знаю. На Верхней Тагарѣ точно также селятся киргизы.

Распределение этихъ родовъ слѣдующее: первые два рода держатся главнымъ образомъ западной и юго-западной полосы, а сѣверо-восточной главнѣйше найманы и кипчаки.

Киргизы эти, какъ родственные нашимъ алайскимъ, весьма

сходны съ ними по типу, т. е. имѣютъ на столько же некрасивое лицо съ широкими скулами, также отличаются отъ казаковъ тѣмъ, что у многихъ киргизовъ сильно развиты борода и усы. У всѣхъ почти памирцевъ болные глаза — преимущественно отъ солонцевой и песочной пыли, поднимающейся нерѣдко подъ ударами сильнаго вѣтра. Отличительной же болѣзью ихъ можно считать зубную боль.

Мы привыкли обыкновенно видѣть въ предѣлахъ нашего Туркестана эту монгольскую расу съ такими прелестными зубами, что весьма страннымъ кажется памирский киргизъ съ испорченными зубами, вѣчно ноющий. Лѣтомъ ихъ одолеваетъ другая еще болѣзнь — у нихъ трескаются губы. Страданіе ревматизмами развито повсемѣстно, также какъ и другія простудныя болѣзни, кромѣ однако лихорадки, которой они совершенно не знаютъ.

Икенскій головной уборъ — который различаетъ киргизскіе роды между собою, такъ какъ мужчина одѣвается совершенно одинаково — тотъ же, что и у нашихъ алайскихъ киргизовъ, т. е. большій бѣлый тюрбанъ, сильно нависшій напередъ.

Что касается до характера памирскаго киргиза, то, какъ уже можно заключить изъ той обстановки, среди которой живетъ эта народность, послѣдняя должна принадлежать къ типу самаго кореннаго номада. Киргизъ-памирецъ до того кочевникъ, не любящій ничего осѣдлаго, что даже среди здѣшнихъ вѣтровъ и холодовъ онъ не подумалъ о возможности построить себѣ зимовку, и зимуетъ всегда въ тѣхъ же равнинныхъ кибиткахъ, въ которыхъ живетъ и лѣтомъ; мало того, даже этихъ кибитокъ онъ не обламываетъ на зиму ни каменьемъ, ничѣмъ другимъ. Это особенно бросается въ глаза потому, что рядомъ съ нимъ родственные ему киргизы Средняго и Нижняго Алая строятъ весьма обстоятельныя зимовки какъ для скота, такъ и для себя.

Лѣтомъ памирскіе киргизы кочуютъ обыкновенно тысячи на двѣ, на три футъ выше, чѣмъ зимою, т. е. зимовка стоитъ на 11—12 т. ф., а кочевье забирается до 14^{1/2} т. ф. Главнымъ образомъ причина ихъ стремленія забраться выше, какъ они заявляли, заключается въ томъ, чтобы извѣститъ скотину отъ болотистой низменной мѣстности, гдѣ ее одолеваетъ оводъ, слѣпни и комары, и чтобы воспользоваться питательнымъ ковыльнымъ кормомъ, который въ низовьяхъ не растетъ.

Пища этихъ киргизовъ преимущественно молочная: кумысъ (но крайне рѣдко), молоко свѣжее, квашенное и смѣшанное съ водой, сыръ сушеный и растертый съ водой, или сыръ свѣжій, напоми-

¹⁾ Судя по показанію англійскихъ экспедицій, это не совсѣмъ вѣрно.

нающий нашъ густой творогъ (изъ молока кутаса); кутасовый сыръ у нихъ особенно въ ходу и всегда, пускаясь въ дорогу, они запасаются ломтиками этого сыра. Мнѣ рассказывали, будто тотъ же самый сыръ былъ приспособленъ нѣкоторыми киргизами къ чрезвычайно оригинальному употребленію, именно къ выдѣлкѣ изъ него подковъ для лошадей. Дѣло въ томъ, что кутасовый сыръ покрывается особой сохнущей коркой, имѣющей чрезвычайно упругую, вязкую, коленоподобную или желатиновую консистенцію; если подобнаго рода корка срѣзана въ известную толщину и въ половинѣ ея сухости изъ нея вырѣзана подкова, то высушенная затѣмъ она, за неизмѣнимъ желѣзныхъ подковъ, можетъ выдержать нѣсколько дней ѣзды по камню. Хотя я самъ не видалъ подобныхъ подковъ, но если хоть изрѣдка онѣ примѣняются, то фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ любопытенъ въ томъ отношеніи, до какихъ курьезныхъ мелочей проникло молочное хозяйство на Памирѣ.

Хлѣба въ теченіи лѣта памирскіе киргизы совершенно не знаютъ и лакомятся имъ лишь только поздней осенью, когда посѣваетъ хлѣбъ въ Шугнанѣ. Мясо ѣдятъ крайне рѣдко.

Что касается до нравственной фizioноміи памирскихъ киргизовъ, то она весьма близка къ складу той же самой народности, съ которой мы хорошо знакомы въ русскомъ Туркестанѣ, только памирецъ является болѣе одичалымъ, менѣе развитымъ и, главное, онъ болѣе барантачъ-воинъ, такъ какъ на Памирѣ, среди этой Божьей страны, никому не принадлежащей и находящейся въ срединѣ между часто воевавшими между собой ханствами, всего естественнѣе было развиться барантачу-воину. До сихъ поръ на Памирѣ живетъ знаменитый разбойникъ Саибъ-Назаръ, который еще очень недавно наводилъ страхъ на весь Алай, держалъ въ рукахъ или, по крайней мѣрѣ, заставлялъ сильно дружить съ собой шугнанскаго хана. Теперь этотъ Саибъ-Назаръ уже сильно ослабѣлъ: и самъ онъ, и старшій его сынъ уже калѣки, съ поломанными руками, да и поѣздка наша за Алайскія горы заставила его сильно призадуматься.

Среди преданій памирскихъ киргизовъ всего болѣе встрѣчаются рассказы о войнахъ, въ которыхъ они принимали участіе,—войнахъ съ канжутцами, шугнанцами и кашгарцами. Многочисленные памятники, раскиданные по Памиру, каковы, напримѣръ, *Юл-мазаръ* (англ. и русск. астрон. пунктъ), обыкновенно неправильно называемый Ял-мазаръ, хотя киргизское имя его очень опредѣленно—„придорожная могила“; такіе памятники сосредоточиваютъ

вокругъ себя рядъ рассказовъ о храбро павшихъ въ войнѣ съ канжутцами и шугнанцами.

Заговоривши объ этой воинственной чертѣ киргизовъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ трактовать дѣйствіа киргиза: дѣйствительно-ли онъ принадлежитъ какой-нибудь сосѣдней съ Памиромъ странѣ или онъ божій, „памирскій“ киргизъ и больше ничего?

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ памирскіе киргизы принадлежали коканскому хану. Въ то время коканскій ханъ вѣлъ войну съ Кашгаромъ и Шугнаномъ и представлялъ изъ себя весьма значительную воинственную силу, потому всѣ киргизы и держались за него. Но съ занятіемъ Кашгарскаго ханства Якубъ-бекомъ, памирскимъ киргизамъ пришлось измѣнить свое подданство. Якубъ-бекъ для войны съ китайцами пригласилъ ихъ поступить къ себѣ въ войска, обѣщая родоначальмъ чины эсауловъ, сотниковъ и пр. Всѣ годные къ войнѣ киргизы собрались на этотъ призывъ и перешли къ Якубъ-беку, т. е. въ Кашгаръ. Послѣ того какъ Якубъ-бекъ отразилъ китайцевъ, большинство киргизъ осталось у него на службѣ и такимъ образомъ, были прикрѣплены къ Кашгару. Когда же китайцы опять заняли Кашгаръ, явился спорный вопросъ: кому принадлежать памирскіе киргизы? Сами киргизы уговариваютъ, что находились у Якубъ-бека только на службѣ, но были подданные коканскіе; китайцы же утверждаютъ, что во время занятія Кашгара киргизы были кашгарскіе и, слѣдовательно, теперь должны быть китайскими. Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о разрѣшеніи направленія нашей границы съ западнымъ Китаемъ, и какъ онъ будетъ рѣшенъ, трудно предвидѣть.

Такъ какъ природа, среди которой поселились памирскіе киргизы, природа весьма бѣдная, ничего имъ не дающая, то вмѣстѣ съ исторической ихъ жизнью весьма естественно сложился и типъ памирца кочевника, т. е. кочевника бѣдняка исключительно. У него нѣтъ своей лошади (мы рѣшительно не знаемъ примѣра на Памирѣ, чтобы киргизы имѣли свои табуны) и обыкновенно за лошадями они ѣздить въ Ферганскую область. Барановъ у нихъ крайне мало; ихъ кутасы — это сокровище, дающее лучшее молоко и сыръ, служащее выюннымъ животнымъ и считающееся почетнымъ угощеніемъ на пирахъ — этотъ якъ года два тому назадъ погибъ почти весь отъ чумы. Верблюдовъ я видѣлъ всего штукъ три, четыре.

Ясно, что киргизы, не смотря на всю привычку къ своему мо-

лочному хозяйству, всетаки, вполне зависить от культурной почвы. И действительно, он или тяготеет к Кашгару, или идет в „Андижан“, как он называет всю Ферганскую область, или же в Шугнань (в последний, впрочем, он идет за одним хлѣбом и в обмен на этот хлѣб берет с Памира соль).

Из Кашгара и главным образом из Ферганы на Памиръ движутся так называемые „савдагары“, т. е. торговцы, набирающие халаты, хлопчатобумажные ткани, дешёвые сѣдла, подковы и проч. мелкія вещи, вывозимъ порядкомъ везущіе их продавать на Памиръ, в обменъ на такіе сырые предметы, которые могутъ находиться у киргизовъ, т. е. шкуры, масло, кошмы, а главнымъ образомъ на скотъ—барановъ и козъ.

Другая народность, живущая если не на самомъ Памирѣ, то въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ, принадлежитъ къ другому племени, арийскому—это таджики.

Хотя таджикская народность находится и въ Кашгарѣ, и въ Ферганѣ, но я буду говорить только о таджикахъ Шугнана, Рошана и Дарваза, а отчасти, конечно, и Каратегина, какъ сосѣдей съ Дарвазомъ мѣстности, тѣсно связанной съ упомянутыми горными провинціями во многихъ отношеніяхъ.

Выглянешь на таджика горца,—и прежде всего сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человѣкъ—не киргизъ, не монголъ. Правильныя черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густыя брови и бороды (часто русые волосы), другой складъ всего корпуса, уже сразу отличаетъ арийское племя. Кроме того въ этомъ же самомъ таджикѣ вы встрѣчаетесь съ необыкновеннымъ стремленіемъ къ оскѣлости, къ куртурѣ. Но при всемъ томъ онъ обижень едва-ли не болѣе, чѣмъ памирскій киргизъ. Если баранчакъ-киргизъ шелъ самъ на кличъ бековъ и попадалъ къ нимъ на службу, а потомъ и въ подданство, то таджик-горца забирали, приходя къ нему: ему некуда было уйти отъ своего селенія и поля, которое онъ очистилъ съ такимъ упорнымъ трудомъ собственными руками отъ громадныхъ заваловъ камней; чтобы таджикъ поднялся съ своего мѣста, бросилъ свое селеніе, для этого нужны были выходящіе изъ ряда вонъ притѣсненія и насилие. Судьба загнала его въ чрезвычайныя тѣсныя горы: долина его узка или же совсѣмъ превращена въ тѣнины, вездѣ камни, дороги непроходимы, земля съ трудомъ родитъ, а главное ея почти нѣтъ. Между тѣмъ, притѣсненія и поборы огромны. Поэтому, что при всей этой обстановкѣ могъ сложиться лишь типъ

болѣе или менѣе загнаннаго человѣка. И действительно, входя въ полосу западной окраины Памира, мы входимъ въ своеобразный міръ вассальныхъ владѣній, въ міръ того полуарабскаго состоянія народа, которое я сравню съ крѣпостничествомъ,—такой міръ, наконецъ, въ которомъ еще до нынѣ существуетъ форменное рабство.

То положеніе, что страна замкнута, трудно доступна, прижата къ Памиру, удалена отъ главныхъ историческихъ центровъ Средней Азии, позволило ей, повидимому, управляться самостоятельно; но она бѣдна, мало населена и поэтому въ культурномъ отношеніи она всецѣло находится въ зависимости отъ сосѣднихъ богатѣйшихъ мѣстностей. Кроме того, Шугнанъ и Дарвазъ находятся, такъ сказать, на границѣ столкновенія сильныхъ самостоятельныхъ владѣній, каковы Китай, Вадахшанъ, Бухара, Коканъ, и само собою это промежуточное положеніе заставляло мелкихъ припамирскихъ хановъ примыкать непременно къ той изъ сильныхъ странъ, которая въ данную минуту являлась наиболѣе могущественной. Отсюда сложилось ихъ вассальное положеніе. Но такъ какъ они заброшены отъ своей метрополіа Богъ знаетъ въ какой недоступный уголокъ, то внутри, у себя, владѣтели этихъ ханствъ могли распоряжаться совершенно самостоятельно; въ своемъ маленькомъ мірѣ они были деспотами, и деспотами мелкими, вносившими свой произволъ во все подробности народнаго быта. Такимъ порядкомъ сложился крѣпостной типъ. Ханъ дѣлилъ свою землю на помѣстья и распредѣлялъ ихъ между своими дѣтьми, племянниками и т. п. Такимъ образомъ возникла цѣлая масса „кургановъ“, т. е. крѣпостей, въ которыхъ живутъ беки, родственники хана. Каждый бекъ есть управитель двухъ-трехъ селеній, а такъ какъ разница и въ развитіи, и въ потребностяхъ между этими беками и народомъ весьма небольша, наконецъ, этого народа очень мало сравнительно съ числомъ управителей, то очевидно, что беки и ханъ виѣшиваются во все мелочи жизни своихъ подданныхъ. Создается барщина и оброкъ. Барщина состоитъ въ обработкѣ „казенныхъ“ земель, т. е. лучшихъ участковъ, нашедшихся въ тѣсной и бѣдной горной странѣ, въ посѣвъ этихъ участковъ, въ уборкѣ и въ перетаскиваніи хлѣба на мѣсто. Мнѣ извѣстно, что въ Дарвазѣ недавно еще практиковался способъ брать на бекскіе дворы прислугу изъ народа: на нѣсколько мѣсяцевъ поочередно изъ каждой деревни на службу къ беку отправлялись женщины. Оброкъ, смотря по мѣстности, накладывался на одинъ домъ въ такомъ видѣ: баранъ или козель, суконный халатъ, одна пара деревянныхъ башма-

ковъ, одна деревянная чашка, лопата, 2—3 вязанки дровъ, одна чашка масла, одинъ мѣшокъ мясина, одинъ арканъ, одна курица. Въ Дарвазѣ шерстяной халатъ замѣнялся бумажнымъ, такъ какъ тамъ разводятся хлопчатъ.

Кромѣ того въ Дарвазѣ была введена подать желѣзомъ. Такъ какъ на р. Ванчѣ существовала и теперь еще существуетъ добыча желѣзной руды и приготовленіе изъ нея мѣстнымъ способомъ желѣза, то вѣроятно ранѣе эта подать и касалась исключительно Ванчской провинціи и уже впоследствии была распространена и на остальные мѣстности Дарваза, которыя о своемъ желѣзѣ и понятія не имѣютъ. Размѣръ желѣзной подати равняется 7½ фунт.

Такимъ-то порядкомъ, среди суровости и скудости природы и тяжести управленія, выработался тотъ коренной бѣднякъ, который все глубже забирался въ горы и обособлялся. Но по отношенію къ Шугану и Ровану надъ этимъ бѣднякомъ еще тяготѣла одна злоба: онъ исповѣдывалъ непризнанную религію, онъ былъ шитъ, вѣрилъ въ Али, тогда какъ владѣльцы его и сильные сосѣди были суниты, „правовѣрные“ магометане. Такимъ образомъ явилось преслѣдованіе нашего горца еще какъ еретика. Сунитъ имѣлъ право совершенно безнаказанно поймать шита и продать его въ рабство.

Отсюда понятно, что горный таджикъ, чтобы сохранить вѣру и обычай своихъ отцевъ, нѣсколько долженъ былъ забраться въ свои неприступныя горы, но и сосредоточиться, замкнуться въ самомъ себя, въ своей семьѣ, создавши такъ сказать два лица—одно официальное, для сношеній съ вѣншимъ міромъ, другое свое, народное, открытое только для своей собственной культуры. Такъ явился тѣ поразительнымъ, совершенно противоположнымъ качествамъ въ горцѣ-таджикѣ, который поражаютъ повапшаго къ нимъ европейскаго путешественника; такъ выработались и тѣ идіомы языка, которые извѣстны у шуганцевъ и хахалцевъ, и которые противопоставляются ими языку официальному таджикскому.

Культура этого своеобразнаго народа прежде всего выразилась въ его хозяйствѣ. Дома шуганцевъ, рованцевъ и дарвазовъ не представляютъ того, что мы привыкли видѣть въ домахъ нашихъ среднеазиатскихъ мусульманъ, примѣромъ которыхъ можно взять жителей Бухары.

Типъ туркестанскаго мусульманскаго дома слишкомъ хорошо общезвѣстенъ, чтобы нужно было его описывать.

У нашихъ новыхъ знакомцевъ горцевъ-таджиковъ мы встрѣчаемъ совершенно другое. Ихъ хаты, сложенные изъ камней, сва-

лившихся съ горы, или изъ комковъ глины, весьма невелики, безъ всякой отдѣлки и снаружи напоминаютъ тапчъ хлѣвъ, тѣмъ жилище человека. Но войдите въ середину и вы будете удивлены: прежде всего вы войдете въ сѣни, за ними слѣдующая дверь ведетъ въ домъ. Домъ устроенъ такимъ образомъ, что по серединѣ его идетъ узкій корридоръ или проходъ аршина въ два ширины; чаще онъ имѣетъ фигуру или Г, или же буквы Т. По бокамъ этого хода сдѣланы высокія нары, подъ которыми помѣщается скотина, главнымъ образомъ козлята, куры и проч. Нары эти и составляютъ собственно помѣщеніе. Они раздѣлены на участки, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое назначеніе: кухня съ очагомъ, гдѣ есть еще маленький подручный очагъ; есть участокъ женскій съ ткацкимъ станкомъ и приспособленіями для ручныхъ женскихъ работъ; есть участокъ спальня, и участокъ гостиная—самый видный, гдѣ постигается женщина или одѣвало и принимаются гости. Среди такихъ оригинальныхъ „комнатъ“ вы видите множество разныхъ стѣнъ, перегородокъ, столбовъ, выдающихся частей, сдѣланныхъ изъ глины; въ большинствѣ онѣ не доходятъ до потолка и служатъ амбарами и шкапами, куда складываются хозяйскіе запасы. Въ верхнія отверстія насыпается зерно, мякина и т. п.; амбары закрываются крышками и замаскированы, для доставанія же зерна снизу сдѣланы мелкія отверстія.

Особенность внутренней убранны, это — множество разныхъ шкафчиковъ и печурокъ. Стѣны обыкновенно весьма тщательно оштукатурены глиной руками женщинъ, большихъ искусницъ. При этомъ часто стараются выкрасить стѣны и потолокъ въ различный цвѣтъ: если напримѣръ комната желтая, потолокъ дѣлается красный; печурки и разныя пиши украшаются разными узорами; дѣлаются подвижныя сундучки изъ глины, которая мѣшается съ мякиной; изъ глины же дѣлаются подсвѣчники для шуганскихъ свѣчей, аршина въ полтора длиною, приготовляющихся изъ особаго тростника, на который нагнѣдена смѣсь изъ бараньяго помета и льнянаго сѣмени. Когда вы войдете въ подобную комнату и взглянете во все эти мелочи, вы будете поражены тѣмъ стремленіемъ къ мелкому хозяйству и тѣмъ вкусомъ и желаніемъ удобства и красоты, которая царствуютъ среди этой бѣдности. Вы встрѣтите здѣсь такую заботливость, такую любовь къ своему хозяйству, такую уютность, что нѣвольно подпадете тому благодушному настроенію, которое охватываетъ насъ всегда среди простой, небогатой, но хозяйственной и чисто сельской обстановки, чему здѣсь особенно помогаетъ еще добро-

душно-наивное выражение оригинальных физиономий горцев-таджиков. Характерным отличием жизни этих горцев является развитие у них кустарного промысла. Живя вдали от базаров, не имея сносных дорог, встречая лишь редкого торговца с весьма немногими предметами и притом крайне дорогими, туземцы волей-неволей должны были сами научиться делать все для себя необходимое. И в этих самодельных кустарях вы будете поражены стремлением к художественности. Горшки, плошки и вся прочая гончарная посуда делается женщинами руками; станка у них нет. И все это сделано гладко, тонко, прочно и довольно красиво. Для всякой мелочи у них существует свое приспособление, свои посудина: например, для того, чтобы перенести из дома в дом огонь (спичек они не знают) приспособлена особая глиняная доска с ручкой; для всякой посуды существует своего рода крышка и ни одного горшка вы не найдете без такой крышки. На посуде часто можно видеть различные самодельные узоры. Там где народ живет среди леса и где имеет возможность добывать его, кустарный промысел применяется к работам из дерева — делают кориты, лопаты и башмаки, которые там в особенном ходу. Башмаки эти общеизвестного типа, на шпалах выстогот ботье джойма. Они крайне велики и неуклюжи, но чрезвычайно ловко носятся горами. Простые деревенские башмаки приготавливаются из тополя, а для бека делаются из орехового дерева.

Хлебопашество отличается опять таки тем же кропотливым характером и огромным трудом, при малых результатах; чтобы подготовить поле, его нужно очистить от огромных завалов камней. Для этого мало того, что нужно сдвинуть весьма большие камни, но главным образом нужно собрать массу мелочи, которая покрывает почву. Когда вы вступаете на поля этих горцев, вы не врите, что это не шоссе, а поля, но когда взглянете на каменные барьеры, окружающие каждый участок такого поля и узнаете, что эти барьеры сложены руками из миллионов камней, собранных туземцами, чтобы очистить свои поля, тогда только вы оцените сколько нужно было затратить труда, чтобы горцу можно было прилечь к земле, — и тогда-то поймете как велика должна быть потребность в том же горце непременно жить оседло, хозяйственно, на своей земле, какова бы она ни была. Да и в самом деле, как ему уйти от своей земли? Заняться торговлей? — Но он еретик и при первой же пощадке его с торговцами делами он будет пойман киргизом и продан в ра-

ство, а ближе всего его оберет хань или бек. И таджики сидят криво на своих мбстах, криво держатся за землю. Невольно удивляешься до какой мелочности доходят поля этих таджиков. Вы удивитесь и не поверите, если я скажу вам, что встретил полоску равняющуюся поверхности того стола, за которым вы теперь сидите. Но это не „красное слово“. Увидать горцев ничтожный ручеек, и около площадку земли, и он пришел сюда за двадцать верст специально затям, чтобы посеять две-три горсти ячменя. Согласитесь, что для этого нужна специальная привязанность к земледелию.

На лето они большими партиями уходят на высокие мбста, недоступные для культуры, но с хорошими пастбищами, и там откармливают свою скотину. Скота у таджиков чрезвычайно немного. Кутасов у них уже нельзя разводить; коровы очень мелкие; лошадей у них мало и то большею частью недоморощенные. Основной скот состоит из мелких коз, баранов и ослон. Вследствие того, что земля требует ежегодно большого удобрения навозом, там выработался специальный способ содержания скотины зимой: рядом с жильем, строятся маленькие хатки для скота, который запирается на все зимнее время и выпускается лишь на водопой. Это делается исключительно только для того, чтобы побольше собрать навоза. Духота в этих клетках настолько велика, что бараны обыкновенные киргизские (курдючные) не могут выдерживать такого воздуха и горские таджики должны были завести других баранов, так называемых тадинов, которые напоминают наших мелких с длинными хвостами (зоологического вида их я определять не умю).

Я говорил уже о путешествующих торговцах среди Памирских киргиз. Те же савдугары из Кашгара, Бадахшана и Ферганы заезжают и в описываемые горные бекества для обмена своих товаров на местные произведения. Денег горцы почти не знают или ценят их гораздо ниже их стоимости. Я имел не раз случай убедиться в этом. Так напр. за чашку масла я предлагал 30 коп. на наши деньги бухарским серебром — мне не отдали и просили 90 коп.; когда же я предложил за эту чашку масла аршин ситцу в 14 коп., то они с радостью согласились; за барана с меня просили 20 р. с. и опять таки отдали за халат в 6 аршин того же самого ситцу, тогда как из денег нельзя было выторговать ни одного дутривенного. Очевидно, что с таким народом очень выгодно купцам вести дело.

Савдагары торгуют главным образом ситцами и мѣстной бумажной тканью; при мѣнѣ, конечно, берутъ огромнѣйшіе проценты съ населенія, и разыгрываютъ совершенно такую же роль, какъ офени въ нашихъ глухихъ деревняхъ, отдавая свои товары въ обмѣнъ на скотъ, хлѣбъ, шерстяныя ткани и проч. Само собой разумѣется, что таджикъ приходится болѣе всего надѣяться на свое домашнее рукоделие. Такъ какъ въ его рукахъ нѣтъ хлопка (который выращивается только въ Кала-и-хумъ), то вся одежда его превратилась въ шерстяную. Онъ носитъ и шерстяную рубашку, и шерстяные штаны, и халатъ, и пашку; только тоны (ержока) его дѣлается изъ привознаго ситца. И нужно отдать справедливость, что эти шерстяныя ткани весьма хороши. Точно также хороши таджикскіе войлоки, и тѣ напр. которые я видѣлъ въ Каратегинѣ, стоятъ выше образцовыхъ киргизскихъ.

Что касается до общественной жизни таджиковъ, то первое, на что я долженъ указать, это то, что среди этого мусульманскаго уголка, мы встрѣчаемъ женщину не въ безобразной паранджѣ съ завѣшеннымъ сѣткой лицомъ, а открытую. Это имѣетъ такое серьезное значеніе для общественной и семейной жизни, что я подчеркиваю такую особенность. Одѣваются женщины обыкновенно въ простую длинную рубашку ниже колѣнъ, въ длинныя шаравары, спускающіяся некрасиво на ступню и завязанныя на лодыжки; волосы заплетаютъ въ двѣ косы и на голову не надѣваютъ, а набрасываютъ большой несложенный платокъ. Другая особенность, которую мнѣ удалось подмѣтить, и которая вѣроятно есть болѣе всего результатъ простой сельской жизни, заключается въ томъ, что у горцевъ таджиковъ мы не видимъ того тѣсного рабскаго положенія женщины, какъ у киргизовъ. Киргизская баба — работница съ рожденія до смерти: она ходитъ за лошадыю, за скотомъ, собираетъ топливо, носитъ воду, варитъ, печетъ, шьетъ и т. д., мужъ же ничего не дѣлаетъ — его дѣло ѣздить, собирать новости, кланзничать, скакать, участвовать на всѣхъ попойкахъ и гулянкахъ. Напротивъ у горцевъ мы видимъ, что если жена и обременена работою, то меньшій трудъ выпадаетъ и на долю мужчинъ; кромѣ того женщина таджичка является наиболѣе искусною по части художества вустарнаго дѣла, которая она непремѣнно старается осуществить. Правда, мы поражаемся непривлекательностью женскаго костюма — онъ всегда грязенъ и оборванъ, что называется „огня прѣсѣки“, — но это есть результатъ той крайней бѣдности, о кото-

рой я говорилъ, бѣдности не менѣе наглядно выражающейся и въ отрѣзкахъ мужскаго костюма горцевъ.

У горцевъ существуютъ общественные праздники, на которые съходятся женщины и мужчины, но въ танцы пускаются одни мужчины, женщины же присутствуютъ только въ качествѣ зрителей, хотя участвуютъ въ подбѣгиваніи общественнымъ пѣснямъ и бьютъ въ ладоши. Пѣсенъ у горцевъ (я слышалъ ихъ въ Рошанѣ очень много и пѣсни ихъ крайне характерны и мелодичны, при чемъ многія напоминаютъ совершенно итальянскія серенады.

Что касается языка шуганцевъ и рошанцевъ, то онъ имѣетъ въ себѣ много словъ, чисто таджикскихъ; нѣкоторые изъ нихъ измѣнены произношеніемъ въ той же степені, въ какой разнятся напр. слова русскія отъ малороссійскихъ. Слова же чисто шуганскія представляютъ, по общему ихъ характеру, много сходства съ англійскими, польскими и пожалуй отчасти съ итальянскими. Для характеристики языка я беру наудачу нѣсколько словъ:

холстъ — хвинчъ,
баранъ — джандоръ,
верблюду — хтуръ,
овца — миридъ,
быкъ — хичъ,
лошадь — ворджъ,
сестра — ахъ,
дорога — пунтъ,
домъ — чиде.

другъ — амро,
облако — вармъ,
полный — ляплъ,
хорошій — башандъ,
мой — му,
твой — те,
что? — дананга?
вѣсъ — фокафе.

Займствованными изъ таджикскаго языка:

зумы — хвостъ (думъ),
вру — бровь (эбру),
пихинъ — полдень (пишинъ).

существуетъ много забавныхъ совпадений съ языкомъ русскимъ, какъ напр.:

нось — педъ,
мать — матъ,
теперь — шичастъ,
луна (мѣсяцъ) — мѣстъ,
тонкій — тонукъ.

Въ нѣкоторыхъ словахъ слышится какъ будто заимствование

и изъ языка киргизовъ, въ близкомъ соседствѣ съ которыми лѣтъ 20—40 тому назадъ жили пуганцы:

узумъ — самъ,
джальдъ — скоро.

Для того, чтобы показать, что это будетъ въ произношеніи цѣлой фразы, я приведу слѣд.:

чи думъ пунте саве? — куда надо идти?

На мой неискусный слухъ это напоминаетъ какъ будто нѣчто сходное съ итальянской рѣчью. И я тѣмъ охотнѣе поддерживаю возможность такого совпаденія, что когда я слышалъ романскія пѣсни, меня поражало сходство многихъ ихъ мотивовъ и речитативовъ съ итальянскими серенадами. Къ сожалѣнію, я, плохо знакомый съ нотами, не могъ записать этихъ пѣсень, и мнѣ остается только завѣрить, что въ числѣ слышанныхъ мною штукъ сорока или пятидесяти мотивовъ многіе были необыкновенно интересны и характерны.

Для того, чтобы характеризовать пуганскій счетъ я приведу слѣдующее:

1 — ивъ,	9 — ноу,
2 — зѣунъ, до,	10 — дзисъ,
3 — аррай,	11 — дзис-ит-івъ,
4 — цаворъ,	12 — дзиситъ-зѣунъ,
5 — пиндз,	20 — до-дзистъ,
6 — хауh,	30 — арра-дзистъ,
7 — хуфъ,	50 — пиндз-дзистъ,
8 — уакъ,	100 — дзисъ-дистъ.

Покончивши съ фактическимъ матеріаломъ, я постараюсь въ короткихъ словахъ высказать тѣ общіе географическіе выводы, которые могутъ быть сдѣланы въ настоящее время.

Главные результаты, добытые экспедиціей, замъ до нѣкоторой степени знакомы уже изъ моего алайскаго письма ¹⁾. Они представляются въ видѣ: а) 11-ти астрономическихъ пунктовъ, изъ которыхъ два общіе съ астрономическими наблюденіями англичанъ въ Юль-мазаръ на западъ и въ Ташкурганъ на востокъ (наблюденія произведены кап. Путятій); б) пятимерная карта (работа эта есть результатъ съемки всѣхъ членовъ экспедиціи; главная часть при-

надлежитъ, конечно, топографу Бендерскому, около четверти Памира мнѣ); в) около 300 опредѣленій высотъ различныхъ пунктовъ барометромъ, анероидомъ и угломерно (большая часть опредѣленій сдѣлана мною); г) затѣмъ свѣдѣній по геологій и физической географіи, которыя и дали главный матеріалъ для взгляда на общій характеръ страны; д) небольшой гербарій и е) наброски карандашемъ, знакомящіе съ природой и съ людьми на Памирѣ.

Ограничиваясь этимъ краткимъ перечисленіемъ, я прямо перейду къ общимъ географическимъ выводамъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: въ настоящее время, сводя весьма обширные матеріалы по всему Памиру въ одно цѣлое, возможно точное опредѣленіе, что такое Памиръ. Прежде всего на этотъ вопросъ приходится отвѣтить, что предъидущіе путешественники сдѣлали изъ слова *Памиръ* какъ бы нарицательное имя и, такимъ образомъ, ввели въ географію этой страны нѣсколько *Памировъ*. Такъ появились „Памиръ Аличуръ“, „Малый Памиръ“, „Большой Памиръ“, „Харгошъ-Памиръ“, „Серезъ Памиръ“ и т. п. На самомъ дѣлѣ этихъ мелкихъ „Памировъ“ не существуетъ и туземцы называютъ данную мѣстность просто тѣми именами, которыя у путешественниковъ приставлялись къ слову „памиръ“, т. е. Аличуръ, Харгошъ и т. д., и только къ единственному мѣсту на всемъ Памирѣ они относятъ слово *Памиръ* какъ собственное имя — это къ рѣкѣ, вытекающей изъ Большаго озера. Эта только рѣка и называется Памиромъ, какъ и вся область, лежащая въ верховьяхъ Аму-дарьи. Здѣсь не мѣсто излагать подробности, откуда произошла подобная ошибка. Но она повела къ тому, что путешественники надѣлали „памировъ“ даже и тамъ, гдѣ о памирскихъ характерныхъ признакахъ нѣтъ и помину. Таковы, напримѣръ, „Харгошъ-Памиръ“ и „Серезъ-Памиръ“. Харгошей есть два: оба они противоположація чрезвычайно каменистыя ущелья; одно направляется къ югу къ Памиру, а другое къ сѣверу къ Аличурру. Оба эти тѣсныя и крутыя ущелья ведутъ къ перевалу Харгошъ въ 15.500 футовъ, тоже каменистому и острому. Понятно, что здѣсь о томъ плоскогорьи, которое характеризуетъ „Памиръ“, не можетъ быть и рѣчи. Что касается до названія „Серезъ-Памиръ“, то несообразность такого сочетанія еще рѣзче: все, что относится до Сереза, все это, какъ вы припомните изъ моихъ рассказовъ, представляетъ тѣснину, непроходимыя мѣста. Такимъ образомъ, вы видите, что слово Памиръ выражаетъ: 1) мѣстное названіе рѣки, и 2) названіе цѣлой страны. Въ эту страну мы, дѣлающіе сводъ въ одно цѣлое добытыхъ географическихъ дан-

¹⁾ Извѣстія И. Р. Г. О., т. XIX, отд. II.

ных, должны включать как верховья Аму-дарьи, так и область Верхней Гези, несколько не отличающуюся ни по физико-географическим признакам, ни по геологическому строению от остальных Памира.

Памирь, по определению всех изыскателей и по объяснению самих туземцев, есть настолько высокое плоскогорье, где ничего кроме травы не растет, ни хлеба, ни леса, и живут только ошары, яки, да бедные киргизы. Къ этому слову подходит и этимологическое толкование таджикомъ, что слово „Памирь“ происходит от слова „бамъ“ — крыша, что въ склонении персидскаго языка получаетъ на концѣ н; изъ этого „бами“, по нѣкоторомъ измѣненіи, въ результатъ вышло *Памиръ*, *Памилъ*, быть можетъ даже отъ простаго сочетанія его съ киргизскимъ „иръ“ что значитъ „мѣсто“, „земля“.

И такъ, въ страну Памирь прежде всего войдетъ та высокая (отъ 9 до $14\frac{1}{2}$ т. фут.) плоскость Подковы, о которой я говорилъ раньше. На востокъ памирскую границу чрезвычайно резко дѣлаетъ сама природа, именно Кашгарскими горами, где за ними тотчасъ же начинается рѣзкій уступъ и мы переходимъ въ Кашгарскую котловину. На югѣ и сѣверѣ мы имѣемъ тоже довольно опредѣленные линіи для отдѣленія Памира отъ соседнихъ мѣстностей. На западѣ же мы этой линіи не имѣемъ и я предлагаю, въ смыслѣ болѣе опредѣленнаго пониманія Памира какъ страны съ известными строго-типичными физико-географическими признаками, признать за эту границу полосу первыхъ полей съ обработкой хлеба, т. е. линію первыхъ поселковъ сѣльско-культурнаго населенія. Она пройдетъ почти въ меридіанальномъ направленіи примѣрно отъ укрѣпленія Калаи-Пянжа на Алай. Часть того Памира, который будетъ лежать непосредственно къ востоку отъ этой линіи, не будетъ принадлежать уже къ *мусовому Памиру*, о которомъ я говорилъ раньше, а представитъ Памирь Горный, со всеми типическими чертами горныхъ странъ. При подобномъ точномъ и нисколько не искусственномъ опредѣленіи, что такое Памирь, не можетъ встрѣтиться уже гдѣхъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя существовали до послѣдняго времени и весьма нагляднымъ и ближайшимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить смѣшеніе послѣднихъ экскурсій нашего почтеннаго сочлена доктора Регеля въ южномъ Дарвазѣ и западномъ Шугнанѣ, съ работами на Памирѣ.

Разъясненіе памирской орографіи даетъ отвѣтъ и на вопросъ о проблематическомъ Болорѣ, т. е. о той меридіанальной горной цѣпи,

которая ссыздавна фигурировала на нашихъ картахъ и только за послѣднее время подвергнута была сомнѣнію. Этотъ меридіанальный Болоръ научнымъ порядкомъ былъ установленъ Гумбольтомъ и Риттеромъ. На ихъ схематическихъ картахъ можно было видѣть такого рода картинку (см. атласъ Берггауза):

Дѣй параллельныя ОВ-я горныя системы—Тяньшань на сѣверѣ и Гиндукушъ на югѣ—пересѣкались перпендикулярно къ нимъ цѣпью Болора, который отдѣлялся отъ Гиндукуша въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній соединялся съ Гималаей и Куенъ-лунемъ. На схемѣ Болоръ служилъ въ то же время и водораздѣломъ бассейновъ Аму и Тарима. При позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, Болоръ, какъ топографическая меридіанальная цѣпь, былъ оставленъ по той уже простой причинѣ, что такого названія горъ въ дѣйствительности не оказалось; но въ работахъ ученыхъ замѣнился геологическимъ поднятіемъ меридіанальнаго направленія. Въ послѣднее время опять-таки мнѣнія раздѣлились. Одни высказывались за то, что меридіанальнаго поднятія на Памирѣ не существуетъ, другіе, въ томъ числѣ известный изслѣдователь Китая Рихтгофенъ и одинъ изъ старѣйшихъ путешественниковъ нашихъ по Туркестану Н. А. Сѣверцовъ, стали утверждать, что если и нѣтъ одного непрерывнаго въ видѣ цѣпи геологическаго поднятія, соответствующаго Болору, то за то существуетъ цѣлая система меридіанальныхъ поднятій, ясно выраженная геологическими фактами.

Въ виду того, что Н. А. Сѣверцовъ заявилъ въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ нашемъ Географическомъ Обществѣ послѣ своихъ памирскихъ путешествій о несомнѣнномъ преобладаѣніи меридіанальныхъ поднятій на Памирѣ, причѣмъ даже указалъ на многія мѣстности, я—съ надлежащей подробностью, какой требовало мое глубокое уваженіе къ работамъ Николая Алексѣевича—разсмотрѣлъ эти данныя въ специальномъ сообщеніи въ Отдѣленіи Географіи¹⁾.

Здѣсь же скажу коротко, что мои геологическія изслѣдованія на всей площади Памира не подтвердили положенія Сѣверцова о существованіи системы меридіанальныхъ поднятій. Хотя я не былъ на самомъ востокѣ, но былъ близко и проходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ топографически хребтъ проявляетъ полную меридіанальность. На основаніи этого и на основаніи отсутствія ясно выраженныхъ и преобладающихъ меридіанальныхъ поднятій на всемъ, осмотрѣн-

¹⁾ См. слѣдующую статью.

номъ мною пространствъ, я позволю себѣ сомнѣваться въ существованіи послѣднихъ и на самомъ востокѣ, т. е. въ системѣ Кашгарскихъ горъ и въ системѣ Тагдумбаши. Указаніе Н. А. Сѣверцова, что на Памирѣ меридіанальность поднятій ясно наблюдается не столько въ хребтахъ, сколько въ направленіи многихъ широкихъ долинъ, тоже не имѣетъ за себя прочныхъ фактическихъ показаній, ибо тѣ долины, которыя идутъ въ меридіанальномъ направленіи, какъ напр. долина Кара-арта, Ковуи-бели, Акбайтала и другія, не болѣе, какъ долины поперечныя, а не продольныя, направленія которыхъ совпадали бы съ линіями простиранія горныхъ породъ. Прибавлю, что въ современномъ рельефѣ Памира принимаютъ участіе не однѣ воды, но еще и ледники, которые были развиты на Памирскомъ нагорьѣ въ огромнѣйшемъ размѣрѣ. Поэтому руководиться направленіемъ существующихъ долинъ и хребтовъ при опредѣленіи общихъ линій поднятій, на Памирѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, опасно.

Вотъ все то, что я считалъ возможнымъ сообщить вамъ теперь же, какъ общіе выводы, какъ главнѣйшіе географическіе результаты моего путешествія на Памирѣ. Эти выводы я сѣло, безъ малѣйшаго колебанія и оговорокъ, передаю на вашъ самый строгій научный судъ. Но когда вы будете оценивать самую работу экспедиціи и встрѣтитесь съ весьма и весьма многими недочетами по части матеріаловъ, то я попрошу васъ припомнить тѣ невыгодныя условія, при которыхъ пришлось дѣйствовать экспедиціи и о которыхъ я говорилъ въ своемъ введеніи къ прошлomu сообщенію.

ОРОГРАФИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ ПАМИРА.

Сообщеніе Д. Л. Иванова.

(Читано въ засѣданіи соединенныхъ отдѣловъ Математической и Физической Географіи 20 апрѣля 1884 г.).

Благодаря разнообразію въ направленіяхъ моихъ маршрутовъ и довольно удачной ихъ комбинаціи, во время послѣдняго моего путешествія по Памиру мнѣ довелось охватить столь значительную часть этой страны, собрать настолько обширные матеріалы о ея строеніи и другихъ характерныхъ чертахъ ея природы, чтобы на

основаніи этихъ данныхъ имѣть возможность твердо уже ориентироваться какъ относительно опредѣленія Памира, такъ и относительно его горизонтальнаго и вертикальнаго разчлененія и отношенія къ окружающимъ его странамъ. Правда, обширные матеріалы, добытые мною, далеко еще не разобраны и не разработаны съ надлежащей полнотой; но и завѣсь тѣмъ общія типическія черты этой оригинальной страны настолько своеобразны, что я считаю возможнымъ даже теперь говорить о нихъ въ предварительномъ сообщеніи. Съ другой стороны, сознавая всю сложность и важность взятой на себѣ задачи, я рѣшилъ выделить эту часть своего сообщенія въ Отдѣленіе Географіи, какъ потому, что она касается специальныхъ вопросовъ орографіи, такъ и въ твердой надеждѣ встрѣтить въ средѣ специалистовъ болѣе близкую поддержку моему стремленію къ разъясненію столь важнаго вопроса. Надѣясь на строгую научную провѣрку моихъ взглядовъ, я приступаю къ изложенію относящагося сюда матеріала, который — прибавлю — собирался мною съ полной объективностью, не затемненной ни разу какой-либо предвзятой заранѣе гипотезой.

На трехъ большихъ окраинахъ Памира мы имѣемъ очень рѣзко выраженные его границы. На сѣверѣ Алайскія горы, средняя высота переваловъ которыхъ равняется 12.700 ф.; прибавлю, что горы эти весьма замѣтно, хотя и постепенно повышаются отъ О къ W и достигаютъ своего максимума противъ участка Занку-Тарака. На югѣ—Гиндукушъ, вздымающій свои пики на нѣсколько тысячъ футовъ выше 20.000'—какъ на востокѣ въ сторонѣ Канжута, такъ и на западѣ въ Читрабѣ и пограничномъ съ нимъ Кяфиристанѣ. Въ срединѣ мы имѣемъ сильное пониженіе у Баръ-аглы, аналогичное Кизиль-арту въ Заалайской цѣпи (до 12.000 ф. съ небольшимъ?). На востокѣ *Кашгарскія горы*, значительно превосходящія вѣчно снѣговую линію, загораживаютъ Памиръ отъ Джиттышарской котловины, гдѣ вдоль подножій Кашгарской цѣпи располагаются селенія. Начиная отъ сѣверозапада, у нижней тѣснины р. Караарта, горы эти въ срединѣ раздвигаются и дѣлаются выше, достигая въ г. Мустагъ-ата (у М. Каракуля) до 25½ т. ф. н. у. м. Далѣе къ югу онѣ довольно быстро понижаются, сразу открывая просторный выходъ къ Кашгару долинъ Ташкурганской рѣки (абс. высота Ташкургана 10.400') и огороживая водораздѣлъ съ Акъ-су внешнимъ въ это мѣстности переваломъ только въ 14.900' (Низаташъ). Но отъ этого пункта въ сторону Тагдумбаши горы снова быстро вырастаютъ, сливаясь съ заоблачными никами Карагормускаго Мустага,

предѣлахъ той обширной площади Памира, которую мнѣ удалось посѣтить самому, я позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ существованіи этого меридианализма и въ тѣхъ самыхъ восточныхъ частяхъ, куда мнѣ не довелось проникнуть. Сомнѣніе это основывается на наблюденіяхъ въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ тѣмъ, гдѣ горные отроги и гряды имѣли топографически въ высшей степени ясно выраженное меридианальное направленіе, какъ, напримѣръ, горы къ западу отъ верховья Ю. Гези или отъ перевала Улутъ-рабатъ и т. п.

Въ заключеніе сдѣлаю два указанія.

Одно касается направленія Кашгарскихъ горъ, которыя мы видѣли только съ одной стороны. Весьма много существуетъ данныхъ за то, что линія этихъ горъ образовалась отъ сочетанія, нѣсколько разъ повтореннаго сдвѣга NW-го направленія, имѣя въ точкахъ соприсоединенія отдѣльныхъ частей сдвѣга наиболѣе энергическое поднятіе горныхъ массъ (Улут-артъ, Гезъ, Мустагъ-ата). Другое указаніе относится до вѣроятности встрѣтить на Памирѣ другую, *диагональную ось* пересѣченія Памирскихъ поднятій съ *OS* на NW, примѣрно по линіи отъ Альмайна къ Баш-Гумбезу и чрезъ Гадару къ леднику Федченко и Муку, — ось, выразившуюся въ совпадении съ этой линіей полосъ характерныхъ для Памирскаго плоскогорья гранитныхъ жилъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ШУГНАНЪ.

А. З. Регеля.

(Изъ № 17 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1884 г.).

По ходатайству Императорскаго Географическаго Общества и Императорскаго Ботаническаго Сада, г. И. д. Туркестанскаго генералъ-губернатора признавъ полезнымъ командировать меня въ 1882 году, съ ученой цѣлью, въ Шугнанъ, Бадахшанъ и лежащія на пути части Бухарскаго ханства, прикомандировавъ ко мнѣ, на ить мѣсцевъ, топографа П. Е. Косыкова и трехъ казаковъ, изъ которыхъ одного лично для топографа. Необходимы снаряженія были сдѣланы въ Ташкентѣ и Самаркандѣ; затѣмъ мы двинулись

въ путь изъ Пенджабента въ половинѣ іюня и въ полтора перехода достигли до Кштута, гдѣ раздѣляющіе дороги къ переваламъ Гиссарскаго хребта. Уже не доходя до Кштута, были встрѣчены на предгорьяхъ интересныя растенія изъ семействъ зонтичныхъ и губоцвѣтныхъ; затѣмъ я сдѣлалъ экскурсію на высокую гору, расположенную на лѣво отъ Кштутской рѣчки, куда манили меня, видные еще издали, роскошныя можжевеловые лѣса, въ которыхъ росли травы, свойственныя нашимъ и семирѣченскимъ альпикамъ.

Дальнѣйшій путь былъ выбранъ нами черезъ озеро Куль-икаланъ, до котораго отъ Кштута одинъ переходъ; не добѣжая до озера, мы сдѣлали привалъ въ лѣсу, чтобы заняться сборомъ горной флоры, находившейся въ то время въ полномъ цвѣтѣ. Въ такомъ же пышномъ расцвѣтѣ представлялись и нагорныя пастбища по берегамъ живописныхъ озеръ, занимающихъ окруженную величественными снѣжными пирами котловину, на высотѣ почти 1000 футъ, уже въ самомъ сосѣдствѣ ледникова. Дорога отъ Куль-икалана поворачиваетъ на сѣверъ, черезъ крутой отрогъ, украшенный изящно цвѣтущею колючкою, изъ семейства бобовыхъ; затѣмъ путь идетъ по живописной Пасрудской долинкѣ, которая расположена у подножія видимыхъ изъ Самарканда исполнинскихъ низовъ, по имени Чандара. Въ деревнѣ Маргузаръ, недалеко отъ замѣчательнаго естественнаго моста, образованнаго обломкомъ известковой скалы въ самой срединѣ дикаго ущелья, сдѣланъ былъ привалъ и для облегченія вьюковъ, отправлены отсюда въ Самаркандъ всѣ лишнія коллекціи.

Отъ Ниміана, расположеннаго близъ устья Пасрудской рѣчки, въ мѣстности изобилующей каменнымъ углемъ, дорога вѣдетъ вдоль берега Исхандеръ-даръи, которая окаймлена рѣзко раскрашенными горными массами; затѣмъ послѣ затруднительнаго подъема, неожиданно открывается великолѣпная панорама озера Александра Великаго (Исхандеръ-куль). Дорога вдоль берега озера оказалась до того обрывистою, что съ нея сорвалась вьючная лошадь. Вскорѣ затѣмъ достигли мы лѣсистаго подножія перевала Мура, склоны котораго были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Отсутствие явнообратной растительности на вершинѣ перевала даетъ право принять высоту его приблизительно въ 14000 фут. Спускъ на южную сторону, по солонепеку и мянкому, глубокому снѣгу, былъ крайне затруднителенъ; за то тамъ, гдѣ снѣгъ кончился, я былъ вознагражденъ богатымъ сборомъ млиовидныхъ весеннихъ луковичныхъ цвѣтовъ. На почтѣгѣ, въ лѣсной полосѣ, лошади не нашли себѣ никакого

корму, такъ какъ вся мѣстность заросла вреднымъ зонтичнымъ растеніемъ *Prangos uloptera*.

Дорога по Каратагъ-дарьѣ, до деревни Гаками, оказалась одною изъ труднѣйшихъ. Флора въ окрестностяхъ Гаками представляла мало новаго и Гиссарскій хребтъ вообще оказался по флористическомъ отношеніи бѣднѣе другихъ частей верховьевъ Аму-дарьи.

Въ Каратагѣ, пріемъ со стороны мѣстнаго бека — сына эмира, былъ ласковымъ; въ этомъ первомъ, встрѣтившемся мнѣ по пути, городѣ Гиссарскихъ владѣній, мнѣ пришлось ожидать разрѣшенія эмира на дальнѣйшее слѣдованіе въ Шугнанъ; желая воспользо-ваться временемъ, я просилъ П. Е. Косикова прослѣдовать впизъ по Кафирнагану до Кобадіана, гдѣ дорога оказалась удобною, и двинуться въ Дарвазъ круговою дорогою, черезъ Кулябъ и Муминабадъ. Направивъ выюки на дошамбинскую дорогу, я переправился противъ Гиссара черезъ Кафирнаганъ на плоскогорье, составленномъ изъ мѣховъ, и свернулъ къ горамъ Явапъ, переваливъ предварительно черезъ сѣверные отроги Гази-Майлика; пересѣкъ вѣтвѣ обширную равнину, въ которой расположенъ кишлакъ Яванъ, и достигъ долины Вахпа лишь на третій день; только здѣсь встрѣтилась измѣненная кустарная флора. Большая дорога по Вахпу направляется къ мосту, занимающему самую узкую часть русла рѣки; на этомъ мосту расположена таможенная застава и отсюда, до Тутъ-Каула, простирается живописное ущелье, окаймленное причудливо сформированными известковыми скалами Каудана и Сангулака. Переваль Туль-и-Зинданъ, ведущій въ Кангуртскую долину, невысокъ и поросъ вѣковымъ и кустарникомъ, а дальнѣйшая дорога въ Бальджуанскую долину ведетъ только черезъ незначительныя глинистыя возвышенности, гдѣ бросаются въ глаза луга дикой ржи и дикаго овса. Бальджуанскій бекъ, Рахманкулдатха, считаемый однимъ изъ важныхъ сановниковъ Бухарскаго ханства, принялъ меня ласково и старался оказать содѣйствіе при дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Проболѣвъ здѣсь съ мѣсяца диссентеріей, я двинулся въ августѣ въ Ховалингъ, расположенный на притогѣ Бальджуанской рѣки, и отдѣленный отъ долины Аксу только небольшимъ крыжемъ. Въ послѣдней долинѣ я очутился снова въ роскошной горной природѣ, изобилующей лѣсомъ и интересными травами, и бѣднѣющей только около Талбара, на верховьяхъ Аксу, откуда уже близко къ перевалу на Вахию. Слѣдуя по отрогамъ горъ, гдѣ снѣгъ еще не стаялъ, мы прошли прямо въ Сагирдаштъ, рас-

положенный въ котловинѣ, у самаго подножія дарвазскаго перевала. Въ Калахумбѣ, и вновь свидѣлся съ П. Е. Косиковымъ, который отсюда отправился въ Ванджъ. По совѣту Дарвазскаго бека Маметъ-Мурата оставивъ часть вещей и лошадей въ Калахумбѣ, я двинулся въ Шугнанъ по дорогѣ черезъ Джумаръ. Изъ двухъ другихъ дорогъ, ведущихъ въ Шугнанъ, одна идетъ черезъ Ванджъ и соединяется съ первой въ Ягуланѣ, а третья проходить по берегу Пянджа. Джумарческую дорогу я выбралъ по предложенію бека.

Пробравшись въ трое сутокъ черезъ ущелье Пянджа, я переплылъ на мѣхахъ въ Джумарчъ, откуда отправилъ гонца къ шугнанскому шаху. Оставивъ въ Джумарчѣ послѣднія вещи, я поѣхалъ черезъ отрогъ въ Омаръ и оттуда переправился снова на другую сторону Пянджа, противъ устья Ягуланской долины; здѣсь я остановился для выжиданія отвѣта шаха въ деревнѣ Мадераумъ, откуда сдѣлалъ позадку въ Андерабъ, передовую крѣпость Ягуланской долины, жители которой говорятъ особеннымъ языкомъ и отличаются своею наружностью и правами отъ дарвазцевъ. Кромѣ того долина эта замѣчательна превосходствомъ разводимыхъ въ ней плодовъ. Черезъ нѣсколько дней люди шаха привезли отвѣтъ, что онъ не можетъ помѣшать моему прибытію, но долженъ увѣдомить о немъ афганскія власти. Къ сожалѣнію, одновременно пришло извѣстіе изъ Ванджа, что П. Е. Косиковъ тамъ заболѣлъ и не въ состояніи слѣдовать со мною.

Переходъ черезъ Романскій хребтъ оказался весьма затруднительнымъ. Въ первый день мы поднялись до верхней границы безрешоваго лѣса и нашли здѣсь флору неизвѣстнаго альпійскаго типа. Вскорѣ послѣ полуночи мы отправились далѣе и черезъ роскошныя альпійскія луга достигли утромъ подножія ледниковъ, по которымъ двигались до часа пополудни, осторожно перепрыгивая трещины. Высота перевала, по всему вѣроятію, около 16000 фут. Стужа была значительная и не позволяла долго любоваться великолѣпнымъ видомъ исполинскихъ горъ по ту сторону Ванджа и краемъ, составляющихъ границу между Романомъ и Шугнаномъ.

Спускъ на южную сторону былъ еще затруднительнѣе подъема, такъ какъ здѣсь, кромѣ естественныхъ препятствій, встрѣчались и искусственныя: глубоко выкопанныя ямы; мѣста, гдѣ скалы были откопаны на самой срединѣ дороги; баррикады изъ наваленныхъ булыжниковъ и сучьевъ на дорогу громадныхъ камней и тому подобное. Къ вечеру, мы приблизились къ двумъ каменнымъ баш-

пням, заслоняющимъ входъ въ Ромашанскую долину; здѣсь меня встрѣтилъ старшій сынъ шаха, онъ же правитель Романа. Вообще пріемъ былъ хорошій, но въ виду приглашенія шаха не останавливаться на долго въ Ромашѣ, я успѣлъ сдѣлать только небольшую экскурсію по направленію къ Бартангской долинѣ и встрѣтить въ юни на нижней прибрежной дорогѣ; они были перевезены съ крайними затрудненіями, такъ что людямъ пришлось спускаться даже на веревкахъ.

По выѣздѣ изъ Кала-и-Вомара, мы переправились въ бродъ черезъ глубокую Бартангскую рѣку, и остановились на довольно просторномъ берегу Панджа; дальнѣйшая дорога оказалась относительно удобною и проходимою даже для верблюдовъ, на которыхъ и пришлось переправить вещи изъ слѣдующаго ночлега Сачерва въ Шидвучъ. На всемъ этомъ протяженіи флора была однообразная и состояла изъ тала, тополи, джиды и обыкновенныхъ прибрежныхъ травъ. Видя, что не особенно спѣшатъ провести насъ далѣе, я сдѣлалъ экскурсію въ Шидвучскія горы, гдѣ уже намель интересную альпійскую флору. Въ Баръ-панджѣ, куда я вслѣдъ затѣлъ перешелъ, я былъ принятъ хорошо: въ тотъ же вечеръ посѣтилъ меня младшій сынъ шаха, а на другой день и онъ самъ. Шахъ Юсуфъ-Али-ханъ — одна изъ извѣстнѣйшихъ личностей въ этой части Аши; о коварствѣ и хитрости его ходили самыя тревожныя слухи. На самомъ дѣлѣ, онъ оказался добродушнымъ старикомъ, выражавшимся откровенно о своемъ трудномъ положеніи, и создававшимъ вполне мирную цѣль моей поѣздки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, я предпринялъ поѣздку на Шиву, и имѣлъ счастье видѣть тамъ, первымъ изъ европейцевъ, громадное, діаметромъ болѣе 40 верстъ, и находящееся на высотѣ 11000 футъ, Шивинское озеро. Флора на озерѣ Шивѣ альпійская, и только на южномъ склонѣ встрѣчаются скудные кустарники можжевельника и пиповника. Вода солоноватая.

Другая поѣздка предпринята была мною на Шахдере, гдѣ я побывалъ вблизи перевала, упоминаемаго англичанами и ведущаго на извѣстный подъ именемъ Маѣ притокъ Ваханскаго начала Панджа. Эта долина оказалась поросшею въ верхнихъ пространствахъ дремучими лѣсами тала, по которому висѣли огромныя лианы изъ рода *Clematis*. Высоты, особенно расположенныя кругомъ озера Друмъ, находившагося на 12000 футъ надъ уровнемъ моря, изобилуютъ горными козлами, а расположенныя ближе къ Па-миру — горными, испанскими бѣлками.

Послѣ Шахдере, я посѣтилъ долину Хунда, гдѣ природа была бѣднѣе. Шуганскій народъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ оказался болѣе или менѣе однороднымъ, обладающимъ особенными нравами и языкомъ.

Послѣ Рождества, я двинулся по направленію къ верхнему теченію Панджа, въ принадлежащій къ Бадахшану горно-промышленный округъ Горанъ, и черезъ Уяръ и Дерморохъ, по затруднительной, зимней дорогѣ, прибылъ на третій день въ первую горанскую деревню Шахбергъ, гдѣ однако былъ встрѣченъ недружелюбно афганскимъ смотрителемъ копей. Тѣмъ не менѣе, я въ своихъ экскурсіяхъ прошелъ мимо копей, находящихся на другомъ берегу; показаніе, будто здѣсь добываются рубины, не оправдалось: есть только гранаты и другіе, красные, желтые или прозрачные минералы изъ группы кварца.

Въ январѣ 1883 г., послѣ моего возвращенія въ Барпанджу, туда прибылъ афганскій офицеръ и при немъ чиновникъ и 12 солдатъ, требовавшіе моего возвращенія по тому же направленію, откуда я прибылъ. Такъ какъ это было тогда невозможно, то я выговорилъ себѣ отсрочку, и отправился въ путь только въ февралѣ. Уже на дорогѣ къ Кала-и-Вомару, лошади падали безпрестанно въ ямы, образовавшіяся въ глубокомъ снѣгу. Въ двухъ переходахъ ниже Кала-и-Вомара, дорога входила въ ущелье, образуемое извилинами рѣки Панджа. Между Шисомъ и Вазнудомъ, дорога была еще проходимая для лошадей, но послѣ Вазнуда, откуда насъ сопровождала сотня шуганцевъ, лошади были гоняемы въ обходъ черезъ крутую гору, а я, съ носильщиками, шелъ лѣшкомъ по прибрежнымъ скаламъ, то балансируя на крошечныхъ уступахъ обледѣвшаго камня, то держась о первобытныя подмостки и лѣстницы. Затѣмъ послѣ небольшого переѣзда верховъ, вновь пришлось лѣзть черезъ гладкій камень, по которому уже не было ни уступовъ, ни подмостковъ; лошадей переправляли черезъ воду въ первую дарвазскую деревню Садвачъ, а сами ночевали на снѣгу. На слѣдующее утро мы пустились внизъ по рѣкѣ въ лѣсахъ, затѣмъ карабкались опять по камню, и наконецъ уже я встрѣтилъ дошлыиныхъ къ намъ лошадей, на которыхъ и поѣхали до слѣдующей переправы.

На третій день, послѣ двухъ переправъ, мы вышли изъ области глубокаго снѣга, но передъ Омаромъ пришлось еще разъ карабкаться по камню и пускать лошадей въ воду. Самую затруднительною оказалась прибрежная, винная дорога между Омаромъ

и Джумарчемъ, гдѣ снова пришлось балансировать на первобытныхъ подмосткахъ и лѣстницахъ, на громадной высотѣ надъ рѣкою; нужно замѣтить, что дорога была нарочно исправлена. Крайне мучителенъ былъ также переходъ черезъ Гупанскій перевалъ, по померзшему, полоторасаженному снѣгу. На перевалѣ, ведущемъ изъ Тевилдара въ Акъ-Су, и встрѣтилъ морозъ, а послѣ того затрудненія кончились и я могъ посвятить себя специальному изученію флоры восточной Бухары.

Похоронные и поминальные обычаи некрещеныхъ чувашъ Симбирской Губерніи во второй половинѣ XVIII в.

Сообщилъ А. Вышеславцевъ.

(Чтено въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 6-го марта 1884 г.).

1) *Похороны*.— Когда больной испускалъ духъ, то старшая въ семьѣ женщина разбивала надъ его головою два сырыхъ куриныхъ яйца. Орудіемъ для разбиванія служила ей такъ называемая у чувашъ *луточка*, липовая, освобожденная отъ коры палочка. Такую же непременно палочку употребляли они и при разбиваніи яицъ и въ другихъ случаяхъ: при бракахъ и при рожденіи ребенка. Разбитая надъ головою умершаго яйца приносили и бросали за ворота въ видѣ жертвы нечистому духу. Затѣмъ начиналось снаряжаніе покойника на тотъ свѣтъ: пальцы его на рукахъ и ногахъ перевязывали; глаза, ноздри, ротъ и уши закладывали какою-нибудь матеріей¹⁾; тѣло облачали въ самое лучшее платье, на руки надевали рукавицы, а на голову шапку, и въ этомъ видѣ, не полагая умершаго въ особый гробъ, выносили его изъ дому. На пути къ могилѣ, родственники умершаго, конечно, оплакивали его, при этомъ жгли какъ можно больше тряпокъ, надеясь, что вмѣстѣ съ дымомъ отъ нихъ улетитъ къ небесамъ и душа покойника.

¹⁾ Закладыванію ушей, ноздрей, глазъ и рта придавался тотъ смыслъ, что покойникъ въ жизни своей былъ совершенный простаекъ, человекъ темный: уши его, глаза, ротъ и ноздри ничего такого не воспринимали, что доставляетъ они чело-
вѣку образованному, развитому.

Могилу для покойника чуваші устроивали обыкновенно большую, широкую, и клали въ нее четыре доски, соединивъ ихъ концы подъ угломъ. По представленіямъ чувашъ, человекъ въ царствѣ умершихъ сходитъ опять съ прежде-умершими родственниками и упражняется въ тѣхъ же работахъ, за какими проводилъ жизнь на землѣ. Поэтому, при опусканіи покойника въ могилу, въ нее клали всѣ тѣ инструменты, какіе были въ употребленіи покойника при его жизни, и даже деньги, чтобы онъ имѣлъ возможность заниматься на томъ свѣтѣ торговлею. Сверхъ всего этого накладывали въ могилу и различныхъ свѣдѣй и при прощаніи съ покойникомъ просили его передать все это въ подарокъ прежде-умершимъ родственникамъ. Когда же могила была зарыта, провожавшіе устраивали на ней тризну: брали остатки свѣдѣй, положенныхъ въ могилу и старались все это потребить тутъ же, воображая при себѣ присутствіе и покойника. Въ заключеніе похоронъ складывали на могилу сѣльско-хозяйственные принадлежности: тѣлѣгу, сани, хомуты и другія, и расходились. Иногда на могилѣ умершаго, по собственному его завѣщанію, привязывали для него и лошадей и оставляли ее здѣсь до тѣхъ поръ, пока она умирала съ голоду. Чтобы отличить въслѣдствіи могилу одного чувашенина отъ другаго, на ней ставили столбъ въ ростъ умершаго и вырѣзывали на немъ какіе-либо знаки покойнаго, или его родственниковъ. Иногда, вмѣсто столба, ставили камень, который служилъ потомъ кануникомъ при поминаненіи умершаго.

2) *Поминки*.—Поминки у чувашъ различались малые, средніе и большіе. Подъ именемъ малыхъ поминковъ у нихъ извѣстны были поминаненія умершаго въ четвертокъ каждой недѣли, справлявшіяся по вновь умершемъ вплоть до четверга нашей Страстной недѣли и Недѣлю нашей Св. Пасхи. Средніи поминки называлось поминаемый покойника въ седьмой день послѣ его смерти, въ такъ называемый у чувашъ семикъ. Большіе поминки — это тѣ, которыя происходили у чувашъ въ концѣ ноября мѣсяца каждаго года и по вновь умершимъ и по прежде умершимъ.

Малые поминки въ четвертокъ каждой недѣли совершались обыкновенно такъ: когда наступалъ этотъ день, то въ семьѣ поминаемого старались наварить, сколько можно больше, курей. Наваренныя куры раскладывались потомъ по столу; каждый членъ семьи подходилъ къ столу, руками, безъ помощи ножа, отщипывалъ себѣ кусокъ свареннаго мяса и опускалъ его въ общую чашу, въ которой заранѣе налита была вода. Затѣмъ, все это выносили